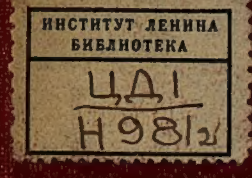

НЫНѢШН. СОСТ. РОССІИ
И ЗАГРАНИЦ. РУС. ДѢЯТЕЛИ

1ª ed.

НЫНѢШНЕЕ

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

И

ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Изданіе третіе.

BERLIN
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG,
(E. BOCK.)
27, UNTER DEN LINDEN,
1869.

НЫНѢШНЕЕ

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

И

ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Изданіе третіе.

BERLIN
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG,
(E. BOCK.)
27, UNTER DEN LINDEN,
1869.

Der gegenwärtige Zustand Russlands und die russischen Schriftsteller im Ausland

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Глава I.

Изъ чтенія заграничныхъ газетъ усматривается нынѣ возрастающій интересъ западныхъ государствъ ознакомиться со всѣми предметами, касающимися внутреннихъ дѣлъ Россіи. Справедливая и благородная откровенность русскихъ корреспондентовъ есть единственное средство ознакомить Европу съ точнымъ положеніемъ нашего отечества. До сего времени иностранцы писали о Россіи, не зная ея быта, ея жизни и языка, собирали свѣдѣнія гдѣ попало, безъ сущности, безъ цѣлости, безъ связи, и, сознаться надо, что и сами русскіе расположены были подурачить подобныхъ писателей, разсказывая имъ небылицы; тѣ, возвратясь домой, печатали свои записки по этимъ ложнымъ фактамъ, а публика читала и вѣрила. Этотъ, впрочемъ выгодный тогда, промыселъ нынѣ прекратился и теперь въ газетахъ являются, какъ мы сказали, статьи правды. Мы сами сознаемъ, что у насъ не все прочно устроено, не

будемъ углубляться въ причины этаго: нашъ Государь принялъ наслѣдіе не въ желанномъ порядкѣ и конечно исторія не являетъ такого примѣра, чтобы правитель страны, столь ревностно и неутомимо сталъ во главѣ разумнаго движенія къ усовершенствованію; и нѣтъ дня, въ который бы истинно-русское сердце не порадовалось новымъ учрежденіямъ и постановленіямъ.

Одинъ Герценъ въ Лондонѣ, покинувъ Россію, принялъ на себя грустную обязанность попирать все высокое, благородное и мечтать самому стать однажды во главѣ Россіи.

Нынѣ появившіяся три статьи въ новой ганноверской газетѣ, въ Январѣ 1862 г. №. 3, 5 и 7, содержатъ въ себѣ, кромѣ любопытныхъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ и взглядъ на этаго писателя.

Первая статья заключаетъ въ себѣ обозрѣніе дѣйствій Императора Александра II и нельзя не признать вмѣстѣ съ авторомъ сихъ статей, что Государь, на пути своего разумнаго прогресса, ни разу не останавливался и видно не остановится. Нетерпѣливые, всегда всѣмъ недовольные, подстрекаемые утопіями Герцена, не теряя ничего, но въ надеждѣ все выиграть, стараются препятствовать такому ходу дѣла, ибо онъ есть переходъ отъ прошлаго, можетъ быть и запоздалаго, къ новому — законному; но не есть движеніе въ пользу ихъ расчета, законнаго лишь на словахъ.

Имъ совершенно извѣстно, какъ велика была борьба Государя съ разными лицами и застарѣлыми убѣжденіями, ибо личная выгода всегда преобладаетъ въ большинствѣ надъ общественнымъ благомъ; но Императоръ Александръ II твердо шелъ къ предположенной цѣли и — свобода крестьянъ состоялась.

Не оспоримо, что дворянство понесло не малыя потери, но возможна ли была свобода милліоновъ людей, безъ пожертвованія со стороны тысячи ихъ владѣльцевъ и до какой степени? — это весьма трудно рѣшить. Конечно, дворянства желало бы вовсе не нести убытка; оно, пожалуй, надѣялось даже извлечь выгоду отъ сего переворота, но остается однаго желать, чтобы убытокъ ихъ былъ какъ можно менѣе.

Дворянство вѣками владѣло физическою силою своихъ крестьянъ, располагало ихъ судьбою, безъ положительнаго закона, а только по обычаю, какъ говорилось: три дни мнѣ, три дни тебѣ и за то ты получаешь въ пользованіе землю. Во первыхъ на три дни мнѣ возлагалась обыкновенно работа четырехъ — дневная, а во вторыхъ ты пользуешся землею, да сколько у кого — это еще вопросъ. За тѣмъ, прибавочныя работы, по обычаю, повинности матеріаломъ и провизіею и прочее, чего и не перечтешь; все это отымало столько силъ отъ крестьянъ, что по сравненію съ тѣмъ-сколько за то имъ давалось, окажется, говоря добросовѣстно, огромная масса выгодъ на сторонѣ помѣщиковъ, усвоенная ими издавна. Ежели принимали за норму своихъ доходовъ подобное положеніе крестьянъ, то не сомнѣнно, что при новомъ разумномъ уравненіи сихъ двухъ жизненныхъ сословій, доходъ дворянства видимо и неизбѣжно уменьшится.

На это многіе гласно говорятъ: „конечно состояніе тѣхъ и другихъ должно было уравнять; но въ тиши, межъ собою, разсуждаютъ, что никто не имѣетъ права отнять отъ дворянъ, производительныя силы принадлежавшихъ имъ крестьянъ; что они наслѣдовали ихъ или купили и въ семъ смыслѣ ожидали полной уплаты за да-

рованную свободу." Нынѣ, по всѣмъ соображеніямъ, оказывается и оно желательно, чтобы изъ этаго положенія состоялся единственный исходъ — выкупъ; способомъ симъ до извѣстной степени дворянство удовлетворится, но оно должно знать, что мечты эти вполнѣ не могутъ осуществиться, а возможно только допустить выкупъ въ нѣкоторой степени. Что подобный переворотъ въ Государствѣ самодержавномъ повлечетъ за собою огромныя перемѣны, можетъ быть, во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, — въ томъ увѣрены всѣ отъ трона до послѣдняго члена Государства; но надо быть злостно настроеннымъ, чтобы, ожидая сильнаго переворота, не видать — какими быстрыми шагами само правительство идетъ къ лучшему и къ благородному и не надѣяться, что временемъ идеи **Государя** осуществятся и достигнутъ и полезныхъ результатовъ и спокойствія вмѣстѣ съ благомъ подданныхъ. Не терпѣливые и не опытные прогрессисты — на словахъ кричатъ: „все стоитъ, вездѣ бѣда, все дурно;" но разумнымъ людямъ извѣстно, что эта толпа крикуновъ кричитъ, двигаемая, какъ бы невидимою силою, по лозунгу изъ Лондона, даваемому старцамъ; они, эти старцы, въ литературѣ, въ бесѣдѣ, толкаютъ уличныхъ дѣятелей; эти — другихъ и конечно производятъ не малую тревогу; но сущность замысловъ ихъ недосягаема, мечтательна и только временно вредна своимъ вліяніемъ на слабые умы.

За тѣмъ вторая статья служитъ продолженіемъ смысла первой, и мы вмѣстѣ съ нею можемъ тоже смѣло произнесть, что **Императоръ Александръ II** не расположенъ остановиться въ своемъ благомъ прогрессѣ. Сверхъ того эта статья объясняетъ воспріимчивость

русскихъ къ заговорамъ и разрушенію существующаго порядка: въ такомъ мнѣніи есть своя доля правды, но въ сущности оно ограничивается не большимъ кружкомъ личностей, всегда, всюду и всѣмъ недовольныхъ, и кружокъ этотъ есть самый ничтожный процентъ на 60 мил. русскихъ — вѣрноподданныхъ своему **Императору**.

Въ заключеніе авторъ переходитъ къ той мысли, что нынѣ въ Германіи начали ознакомливать тамошнюю публику съ содержаніемъ русской печати заграницею; что до сихъ поръ у нѣмцевъ вовсе небыло источниковъ для вѣрнаго сужденія объ нашемъ отечествѣ и значеніи заграничной о насъ печати, и что посему можно понять возникшее за тѣмъ въ нѣмцахъ сперва равнодушіе, а потомъ и полное презрѣніе къ клевещущему и злобному перу лондонскихъ писателей. — Неужели эти господа полагаютъ, что мы, русскіе, отвергаемъ полезное значеніе русской печати заграницею; что мы сомнѣваемся въ великой пользѣ свободнаго слова великому дѣлу? Думать такъ значитъ надо быть или не простительно невиннымъ или нагло притворнымъ, чтобъ дать понять, что русскіе не сознаютъ достоинства свободнаго слова и что только они, эти господа — люди передовые, первые это постигли.

Дѣло только въ томъ, что условія свободнаго слова и свободной печати не должны поносить другихъ бранью, ложью, клеветою, основываясь на извѣстіяхъ о Россіи, получаемыхъ отъ корреспондентовъ, часто имъ самимъ неизвѣстныхъ, [какъ оказывалось по опыту] и за тѣмъ судить по такимъ источникамъ людей и дѣла: подобныхъ источниковъ на западѣ Европы не существуетъ. Изданіе „Колокола“, сознаться надо, радостно было привѣтствовано въ Россіи, доколѣ Герценъ держался объяв-

ленной программы, что онъ все напечатаетъ, что ему сообщатъ, не отвѣчая за сущность дѣла, и напечатаетъ и оправданіе или опроверженіе; но онъ не сдержалъ слова и однажды на подобное замѣчаніе, что онъ отказывается напечатать оправданіе, отвѣчалъ: безъ всякихъ объясненій словомъ „неправда", полагая ограничиться диктаторскимъ своимъ словомъ, которому кажется онъ даетъ значеніе слова Евангельскаго. Съ тѣхъ поръ, и особенно съ начатой имъ брани, увѣренность въ его литературу быстро начала падать и ежели остались еще вѣрующіе въ него, то число ихъ съ каждымъ днемъ уменьшается; тогда какъ еслибъ онъ оставался въ границахъ умѣренности, то изданіе его могло быть небезполезнымъ.

Германскія газеты все болѣе и болѣе наполняются статьями о Герценѣ, о чемъ онъ самъ знаетъ и что его сокрушаетъ, хотя сокрушеніе это изложено въ какомъ то юродивомъ иносказаніи [Колоколъ Nr. 121, статья: мясо освобожденія]. Ясно, что чѣмъ болѣе нѣмецкая публика знакомится съ писаніемъ Герцена, тѣмъ болѣе тамъ его порицаютъ; такъ что нынѣ почти нѣтъ ни одной германской газеты, раздѣляющей его мнѣнія.

Третья статья развиваетъ дѣятельность заграничнаго русскаго печатанія, которое сдѣлавшись дѣломъ торговымъ и при томъ выгоднымъ, не сдѣлалась однакоже дѣломъ принципа.

Неоспоримо, что оставившіе Россію и нынѣ на нее нападающіе, движимы къ тому чисто денежнемъ интересомъ, прикрытымъ благовидною маскою патріотизма: Герценъ удалился свободно изъ Россіи и увлекся событіемъ 1848 года безсознательно, а тамъ, увидавъ себя запутаннымъ безъ нужды въ германскія смуты, конечно

понялъ невозможность возвращенія въ отечество, и, объявивъ себя политическимъ мученикомъ, началъ свою торгово-политическую жизнь.

Позвольте, Александръ Ивановичъ, обратиться къ вамъ и просить васъ быть хоть на сей разъ справедливѣе.

Вы добровольно покинули Россію; въ молодыхъ лѣтахъ приняли участіе въ тайныхъ заговорахъ, увѣряя, что поступили такъ тогда, частію по неопытности, частію по тщеславію. Можетъ быть, васъ тогда слишкомъ строго наказали, но скоро вы получили свободу и свободнымъ человѣкомъ отправились заграницу. Вы взяли съ собою 200,000 р. сер., деньги вамъ данныя отцемъ вашимъ; этою суммою вы обезпечили вашу будущность, и, избравъ Англію мѣстомъ жительства, укрылись тамъ отъ преслѣдованія. Вы, однажды поселившись за симъ благодѣтельнымъ угломъ, начали бросать на Россію вашу месть.

Первая ваша злоба была противъ дворянства и про нихъ вы говорили, что они высасываютъ кровь изъ своихъ крестьянъ и тѣмъ наживаются; позвольте же обратить ваше вниманіе на вашего отца. Получивъ отъ него вмѣстѣ съ братьями вашими, каждый по 200,000 р., неужели вы не спросили себя — откуда же онъ пріобрѣлъ столь значительный капиталъ? Мы отвѣтимъ — точно также высосалъ ихъ изъ крови своихъ крестьянъ, въ чемъ вы такъ явно упрекали дворянство. Вы требуете отъ дворянъ, чтобы они отдали крестьянамъ всю землю и что имъ по Указу 19 Февраля 1861 г. выдѣляется мало: для примѣра такого благородства не вздумаете ли вы сами, полученныя отъ отца, также высосанныя отъ крестьянъ 200,000 р. отдать имъ, этимъ бѣд-

нымъ крестьянамъ? Зачѣмъ же было вамъ трогать столь щекотливый для васъ самихъ предметъ? Мы всѣ согласны, что въ Россіи еще мало порядка и еще менѣе было его тогда, когда вашъ отецъ въ живыхъ былъ; но непорядокъ этотъ нынѣ кончается, безъ сомнѣнія все приметъ лучшій видъ, а вдругъ всего сдѣлать нельзя. Еслижъ вы требуете, чтобы переворотъ шелъ у насъ быстрѣе, то и мы съ своей стороны вправѣ ожидать отъ васъ, нашего строгаго диктатора, тоже улучшенія въ вашей особѣ, или по крайней мѣрѣ не ожидать въ васъ стремленія къ худшему. Будьте опять справедливы: вы прислали къ Послу — представителю Государя, имѣющаго 60 мил. подданныхъ, письмо до того грубаго содержанія, что конечно никто изъ самыхъ раболѣпныхъ поклонниковъ вашихъ неодобрилъ бы ни содержанія этаго письма, ни той смѣлости, съ какою вы его послали, еслибъ вы взяли на себя трудъ съ ними посовѣтоваться; вы не подумали даже, что поступокъ вашъ оскорбителенъ для всего русскаго народа: ибо конечно ни одинъ Европеецъ не рѣшится послать подобнаго грубаго письма представителю своей націи. За тѣмъ, неудовольствуясь такою попыткою, вы письмо это напечатали, но тутъ вы уже кажется съ намѣреніемъ сами себѣ повредили: вы напечатали письмо того же содержанія, какъ послали, но въ замѣнъ грубыхъ выраженій въ рукописи, употребили вѣжливость въ печати. Подобное дѣйствіе налагаетъ на васъ неблаговидный упрекъ отъ всей читающей публики, отъ котораго вамъ неоправдаться, хотя вы и имѣли къ тому надежду, но Г. Шедо-Ферроти вывелъ дѣло на чистую воду.

Вникнувъ въ сущность письма, мы усумнились-ум-

ный ли вы человѣкъ, какимъ до сихъ поръ васъ считали? Вы, упираясь на анонимное письмо, увѣряете, что васъ хотятъ убить; да мало-ли кто получаетъ подобныя письма? Ихъ жгутъ и про нихъ не говорятъ. Сознайтесь лучше откровенно: вы желали придать себѣ величіе и чуть-ли не важность царствующаго лица, короля Пруссіи, Королевы Греціи или чего-либо подобнаго, когда рѣшились требовать, чтобъ русскій посолъ васъ защищалъ, а Россія отвѣчала бы за васъ предъ всей Европой. Согласитесь, что все это и дерзко и смѣшно: подумать можно, что при наплывѣ русскихъ путешественниковъ въ Лондонъ на всемірную выставку, вамъ придется или не выходить вовсе изъ дому, или разъѣзжать въ панцырной каретѣ, изъ опасенія быть убитымъ! Наконецъ согласитесь, что письмо это вы сами написали, и, пригласивъ къ себѣ гостей, знали, что оно будетъ вамъ передано, когда будутъ свидѣтели.

Засѣдая за угломъ, вы позволяете себѣ наносить поруганія нашему Царю и считаете себя въ такомъ положеніи достаточно храбрымъ, поступая въ этомъ случаѣ не подобно вашему сотруднику Бакунину, который хотя также запутался въ политическихъ передрязгахъ, вынувъ мечь за свободу въ Саксоніи, въ Австріи и т. п., но дѣйствовалъ по крайней мѣрѣ молодцомъ: сталъ лицомъ къ лицу передъ смертью, жертвуя своею особой; жаль только, что бѣжалъ, давъ честное слово не бѣжать и забралъ деньги у купца для передачи по адрессу, но не передалъ! — Вы же смерти боитесь, а сами мечете смертъ изъ-за-угла.

Вы соблазнили Михайлова и онъ сталъ жертвою вашей хитрости, а вы надъ нимъ же смѣетесь изъ-за-угла; вы обижаете отцовъ семействъ и не позволяете

дѣтямъ за нихъ заступиться, и опять изъ-за-угла хохочите: Александръ Ивановичъ! такія дѣйствія не составляютъ принадлежности благороднаго человѣка и благовидный предлогъ — помогать своему отечеству не оправдывается подобными дѣйствіями!

Намъ нужна наука, а ее можно пріобрѣсть лишь спокойнымъ ходомъ, чрезъ прилежаніе и серьезное занятіе. Вы хлопочите посѣять раздоръ, молодые люди увлекаются вашимъ словомъ и становятся невинною жертвою вашихъ происковъ, и, повѣрьте, однажды за такое невольное увлеченіе не поблагодаритъ васъ масса вашихъ жертвъ.

Еще болѣе: вы дѣлаете поруганіе надъ религіею, которой вѣрятъ болѣе 50 мил.; вы хотите и ее опрокинуть; но безсильны будутъ ваши козни, хотя вы для примѣра дочь вашу, нынѣ 13ти лѣтъ, до сихъ поръ не окрестили, стараясь доказать, что крещеніе человѣку не нужно. Мы знаемъ, что дочь ваша, посѣтивъ православную церковь въ Парижѣ, плакала, увидѣвъ себя не принадлежащею ни къ одной христіанской церкви, тогда какъ, по волѣ вашей, она проживаетъ въ странѣ сильно настроенной къ христіанству. Подумайте хоть одинъ разъ, какой грѣхъ Вы приняли на свою душу, а хотите еще чтобы добрый русскій народъ, во имя котораго вы все ломаете, послѣдовалъ вашему примѣру! Всѣ ваши стремленія сдѣлаться кѣмъ-то въ родѣ Лютера, великаго религіознаго дѣятеля, вамъ не удадутся: Лютеръ не опровергъ христіанскаго ученія, а вы стремитесь установить безбожіе!

Стремленіе ваше ясно: вы стараетесь сложить себѣ подмостки изъ сору, который вамъ высылается изъ Россіи и на этомъ рухломъ пьедесталѣ, какъ мы уже

видѣли въ Гудкѣ, вы мечтаете провозгласить себя единственнымъ освободителемъ народа русскаго. На дѣлѣ же недалеко то время, когда въ общественномъ мнѣніи безъизъятно вы станете посмѣшищемъ и наконецъ сами будете сожалѣть, что надѣлали такъ много и смѣшнаго и злобнаго, тогда какъ могли бы быть полезнымъ.

Сотрудникъ вашъ Долгорукій старается даровать Россіи конституцію и орудіемъ своимъ избралъ тоже площадную брань; самъ же онъ, если разобрать, — есть личность знаменательная по своей нравственности. Вѣроятно вамъ памятно, какъ онъ, будучи еще молодъ и не опытенъ, позволилъ себѣ написать анонимное письмо къ нашему народному поэту, А. С. Пушкину; расчетъ его былъ злобно обдуманъ-бросить обидную тѣнь на семейную жизнь впечатлительнаго Пушкина, имѣвшій послѣдствіемъ — смерть геніальнаго писателя. Такой поступокъ не забудется для Долгорукаго и за гробомъ!

Помните ли еще, когда Долгорукій и вы, оба высланы были въ Вятку, то вашъ товарищъ, предупредивъ васъ, что намѣренъ созванныхъ гостей, мѣстныхъ чиновниковъ, угостить завтракомъ, спросилъ ихъ по окончаніи стола-довольны ли они имъ и особенно паштетомъ? Тѣ натурально поблагодарили хозяина за хлѣбъ-соль и тогда онъ имъ объявилъ, что паштетъ сдѣланъ былъ изъ его собаки, которую они прежде у него видали. Вы знали прежде эту выходку и потому остереглись отвѣдать завѣтнаго блюда, но не только не остановили его дерзкаго намѣренія, а злорадствовали вмѣстѣ съ нимъ. Надо было удивляться мирной натурѣ гостей, что Долгорукій могъ еще остаться живъ и дожить до гнуснаго процесса съ княземъ Воронцо-

вымъ, отъ котораго онъ низко палъ въ глазахъ всей Россіи и Европы: процессъ обличающій Долгорукаго, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ мошенническомъ намѣреніи выманить у князя Воронцова 50 тыс. и этою цѣною продать извѣстное всѣмъ древнее происхожденіе рода Воронцовыхъ. Фамилія Долгоруковыхъ, столь высоко стоящая въ Россіи, носила по немъ трауръ и можно понять всю глубину ихъ печали.

До какой степени все заграничное общество отъ него отдѣлилось, видно изъ того, что даже извѣстный сотрудникъ его книгопечатни, сотрудникъ впрочемъ по коммерческому расчету, книгопродавецъ Франкъ, отказался издавать его „Будущность", боясь замарать свое имя. Впрочемъ надо было удивляться, что Г. Франкъ рѣшился и начать съ нимъ дѣло, ибо ему могъ быть извѣстенъ прежній поступокъ Долгорукаго съ книгопечатникомъ его книги „Noblesse Russe", когда этотъ издатель принесъ ему счетъ за напечатаніе сего сочиненія, то Долгорукій, по принятому правилу, приказалъ ему росписаться въ полученіи денегъ и взявъ эту росписку пошелъ въ кабинетъ и болѣе не выходилъ. Книгопродавецъ, дожидавшій нѣсколько времени, просилъ наконецъ напомнить о себѣ; тогда Долгорукій вышелъ изъ кабинета и спросилъ: „чего онъ хочетъ?" Тотъ, удивляясь, отвѣчалъ — „денегъ", „какихъ?" — за печатаніе книги. Долгорукій отвѣчалъ: „я вамъ ихъ уже отдалъ и имѣю росписку." Бѣдный продавецъ удалился, а его всѣ знаютъ за честнаго человѣка.

Наконецъ, на дняхъ, Долгорукій съ самодовольствіемъ препроводилъ въ Петербургъ, напечатанное на французскомъ языкѣ письмо къ нашему Императору; оно весьма ловко написано, но чего же онъ хочетъ:

доказать, что Долгорукіе старѣе происхожденіемъ нашего Царствующаго Дома и что потому Государь не имѣетъ права лишать его княжескаго достоинства!!! Не говоря уже, что онъ самъ, своими воровскими поступками, опозорилъ почетное имя Долгорукихъ, за что и отрѣшенъ сочленами этой фамиліи отъ среды ихъ; но онъ кромѣ того разжалованъ по законамъ, на вѣки вѣковъ лишенъ княжескаго достоинства, и конечно нигдѣ въ мірѣ не было болѣе справедливаго и честнаго приговора, какъ этотъ. Письмами своими онъ наводитъ еще болѣе печали своему собственному семейству, и вѣроятно забылъ, что у него есть сынъ, князь Долгорукій, который его будетъ любить какъ отца, но...... не какъ человѣка; вотъ вѣрная картина вашего сотрудника, съ которымъ вмѣстѣ вы хотите преобразовать Россію. Повѣрьте, Александръ Ивановичъ, труды ваши напрасны: этимъ путемъ вы ничего не только добраго, но и желаемаго вами не достигните; орудіе вашей гласности замарано желчнымъ и лживымъ приговоромъ вашимъ надъ людьми и дѣлами, которыхъ вы не знаете.

Вы потѣшаетесь теперь въ троемъ: вы, Долгорукій и новый преобразователь Блюммеръ — издатель новаго журнала — Свободное слово. Этотъ тріумвиратъ составляетъ братство взаимной защиты, основанной на равномъ правѣ лживаго и клевещущаго слова: Вы хвалите Долгорукаго и Блюммера, Долгорукій хвалитъ васъ и Блюммера, Блюммеръ — Долгорукаго и васъ; за тѣмъ всѣ трое дружно поносите все остальное — честное и благородное.

Россія, покинутая вами, неизвѣстна вамъ въ теперешнемъ ея состояніи. Узнавъ настоящее и принудивъ

себя быть искреннимъ, вы удивились бы, найдя въ бывшемъ отечествѣ вашемъ столь много благихъ перемѣнъ и еще болѣе намѣреній. Узнавъ это, вы бы сказали: или впередъ, моя возлюбленная (если только вы ее любите) Россія, но будь осторожна, ибо слишкомъ скорый ходъ — можетъ быть опасенъ!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ НОВОЙ ГАННОВЕРСКОЙ ГАЗЕТЫ, 1862г. Января 3, 5 и 7.

Современное состояніе Россіи.

I.

Новѣйшія Государственныя мѣры Русскаго Правительства доказываютъ, что Императоръ Александръ II. ни подъ какимъ предлогомъ не остановится въ своихъ благодѣтельныхъ Государственныхъ измѣненіяхъ, и что онъ употребитъ всѣ средства для водворенія въ своемъ отечествѣ разумной и благоприносящей свободы. Эта мысль, становясь съ каждымъ днемъ несомнѣннѣе и положительнѣе, возлагаетъ на западно-европейскую печать обязанность не тольто признать законно-либеральный характеръ Русскаго правительства, но и по возможности устранять столь обыкновенныя, всякой переходной эпохѣ, препятствія, какъ со стороны приверженцовъ неподвижной старины, такъ и ярыхъ послѣдователей новизны.

Мы имѣемъ передъ глазами невиданное доселѣ зрѣ-

лище и почти единственное въ лѣтописяхъ исторіи. Императоръ Александръ II, со времени вступленія на Престолъ, въ короткое время развилъ и отчасти уже выполнилъ такія идеи, которыя за 10 лѣтъ считались невозможными или по крайней мѣрѣ не могущими совершиться безъ большихъ сотрясеній.

Подвергся реформѣ такой порядокъ вещей, который при системѣ государственнаго управленія Императора Николая I, неизмѣнно поддерживался только его крѣпкою рукою и столь сильно врѣзался въ народный бытъ, что сдѣлался государственною и общественною необходимостью; а потому и отступленіе отъ такой системы заставляло тогда опасаться важнаго разстройства цѣлаго государственнаго организма.

При смерти Императора Николая I, послѣдовавшей въ печальное время для Россіи, совершилось неожиданное явленіе: Россія въ первый день его кончины заплакала, на второй день замолчала, а въ третій предала порицанію память усопшаго, которому тридцать лѣтъ молчаливо и безропотно подчинялась.

Порицаніе прошедшаго и ожиданіе отъ новаго правительства, были столь всеобщи, что даже за границею этому удивились, ибо не могли такую новизну сообразить съ давно существующимъ порядкомъ.

Хотя Императоръ Александръ II въ первое время употребилъ всѣ силы и стараніе на окончаніе крымской войны, но скоро уже стали высказываться въ политикѣ иной духъ, иной взглядъ и иная система управленія.

Въ истинной сыновней преданности къ памяти отца, Александръ II не совершилъ ни одного дѣйствія, которое бы прямо упрекало или разрушало прежнюю си-

стему правленія; напротивъ всѣ производимые перевороты, слѣдовавшіе быстро одинъ за другимъ, выставлялъ онъ, какъ взгляды и поученіе своего отца, въ чемъ никто и не имѣетъ права сомнѣваться, потому что всѣ знали, что въ послѣдніе 10 лѣтъ царствованія Императора Николая, сынъ его былъ приглашаемъ присутствовать при важныхъ государственныхъ обсужденіяхъ; что ни одинъ высочайшій указъ, даже малѣйшей важности, не былъ издаваемъ безъ знанія и обсужденія съ наслѣдникомъ; что Великій Князь Александръ мало по малу занималъ все болѣе высокія должности по военной части; засѣдалъ во всѣхъ важныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, зналъ механизмъ государственнаго управленія и на опытѣ изучалъ принципы государственной жизни.

Извѣстно, что Императоръ Николай еще на смертномъ одрѣ передалъ сыну своему, какъ во все его царствованіе два дѣла лежали у него на сердцѣ — защита христіанъ на востокѣ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и какъ оба эти дѣла онъ не могъ привести въ исполненіе. Въ первомъ изъ нихъ видѣнъ ключъ дѣйствій русской политики съ 1825—1854, а въ послѣднемъ — сознаніе, что путемъ самодержавія хотя уничтоженіе крѣпостнаго состоянія и возможно, но приведеніе онаго въ точное исполненіе несбыточно, и съ этой точки слѣдуетъ судить то, что до сихъ поръ сдѣлано Императоромъ Александромъ II, и вѣроятно будетъ еще сдѣлано, ежели страсти и единодушное стремленіе распространенной по всей Европѣ революціонной партіи не противупоставятъ ему въ томъ препятствій.

Все, что теперь каждый видитъ, и что при началѣ

свободной государственной системы, предвидѣли одни значительные сановники, не могло быть чуждо просвѣщенному взгляду Императора Александра II.

Извѣстно, что эти государственные люди наиболѣе окружающіе Монарха и пользующіеся его довѣренностію, обращали высочайшее вниманіе на то, что съ переворотомъ существующаго нынѣ порядка въ Россіи, а въ особенности, съ освобожденіемъ крестьянъ, дѣло еще не будетъ покончено и что слѣдуетъ быть готовымъ на всевозможныя отъ того послѣдствія, а главное обращали его вниманіе на политическое положеніе дворянства, которое съ уничтоженіемъ безвозвратно существеннаго своего права, пожелаетъ пріобрѣсти большее вліяніе на государственное управленіе.

Это было сказано Императору княземъ Орловымъ, Графомъ Панинымъ и Генераломъ Ростовцевымъ, конечно не съ цѣлію противодѣйствія либеральной системѣ, и говорятъ, что Его Величество отвѣчалъ: „Я это знаю и готовъ къ тому.“ Въ кругу высшаго общества не видно ни малѣйшаго сомнѣнія, что Императоръ Александръ II, столь же положительно желаетъ либеральнаго прогресса, сколько вмѣстѣ съ тѣмъ не допуститъ пробныхъ скачковъ либерализма не изъ личной, но изъ государственной антипатіи, опасаясь тѣхъ государственныхъ разрушеній, которыми сопровождается всякая революція.

Нынѣ, по совершеніи эмансипаціи, только въ одной Россіи мы видимъ прогрессивный переворотъ совершающійся по ранѣе, здраво-обдуманному плану. Всѣ долговременныя совѣщанія по этому вопросу, вызывавшія въ публикѣ нерѣдко нетерпѣніе, оказываются теперь неизбѣжными. Всѣ пріуготовительныя мѣры, послѣдо-

вавшія въ теченіе 3 лѣтъ, даже такія, которыя казались на первый взглядъ дѣйствіемъ обратнымъ, всѣми теперь признаются мѣрами вызванными крайнею необходимостію. Когда возникъ ропотъ со стороны вызванныхъ въ Петербургъ дворянскихъ депутатовъ въ редакціонную коммисію, то онъ казался на первый взглядъ справедливымъ и даже въ Германіи были расположены считать ихъ мучениками и передовыми бойцами свободныхъ мыслей; нынѣ же усматривается совершенно другое: въ то время какъ депутатами воздвигалось одно противуборство, лучшія преднамѣренія и лучшее знаніе дѣла принадлежало редакціонной коммиссіи; конечно мы тутъ говоримъ о цѣлости принимаемыхъ мѣръ, ибо за зеленымъ столомъ невозможно было вникать въ мелкіе практическіе, дѣловые и мѣстные вопросы. Окончательное ихъ рѣшеніе должно было быть предоставлено дворянскимъ депутатамъ, судьямъ вполнѣ компетентнымъ, но къ несчастію слишкомъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ.

Императоръ Александръ II въ столь важномъ дѣлѣ своевременно выслушивалъ совѣты и точно также своевременно постановилъ окончательное рѣшеніе. Вѣрный своему принципу: „лучше сверху, нежели снизу“, Его Величество первоначально далъ знать чрезъ Министра Ланского, чего онъ ожидаетъ отъ дворянскихъ комитетовъ.

Смертные случаи, ссоры, вспышки, грустныя предсказанія вмѣшались въ дѣло и угрожали замедленіемъ этого великаго предпріятія. Но высочайшая воля все отстраняла и это тѣмъ болѣе важно, что многія предпринятыя мѣры предосторожности доказывали, что самъ Цар ьбылъ озабоченъ мыслію, чтобы за объявленіемъ

закона о свободѣ не произошло серьезныхъ безпорядковъ.

Но при всемъ томъ дѣло было проведено такъ, какъ предполагалъ Государь Императоръ. Не совершенное, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, требующее усовершенствованія, какъ всякая великая мѣра, настоящее предпріятіе по великости своей цѣли, должно обойти мелкіе расчеты и интересы. Воля царская содѣлалась государственнымъ закономъ, не возвратнымъ, поучительнымъ, благословеннымъ, хотя и сопряженнымъ съ пожертвованіями.

II.

По сему слѣдуетъ признать и считать доказаннымъ, что Императоръ Александръ II не расположенъ измѣнить однажды имъ избранный путь, и нельзя не сожалѣть, что стремленіе, появившееся въ новѣйшее время, вызвать Россію къ революціи, скорѣе препятствуетъ благимъ намѣреніямъ Государя, нежели противоборствуетъ старому порядку.

Мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ это стремленіе, что оно перешло къ намъ изъ Германіи, которая систематически дѣйствуетъ противъ Россіи, дѣйствуя по видимому только противъ теперешнихъ правительственныхъ формъ и нѣкоторыхъ лицъ, защитниковъ послѣднихъ.

Мысли всеразрушающія съ давнихъ поръ знакомы русскимъ. Слѣдуетъ только вспомнить событія, сопровождавшія смерть Александра I, чтобы удостовѣриться, что такъ называемые въ Россіи образованные люди [по германскому понятію лишь полуобразованные] имѣютъ

въ себѣ особое расположеніе къ тайнымъ обществамъ и къ самоуправству.

Фактъ несомнѣнный, что въ то время до 54,000 человѣкъ, болѣе или менѣе знали о тайномъ заговорѣ, жаждали государственной перемѣны, и все было лишь случайно прервано.

Появившаяся въ Берлинѣ въ 1860 году книга подъ заглавіемъ „Шервудъ“ поясняетъ замѣчательное событіе этой случайности, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ значеніе и обширность этого заговора. Взрывъ его произошелъ въ 1825 г. и былъ потушенъ твердостію характера Императора Николая. Все его царствованіе не давало ни охоты, ни возможности къ составленію тайнаго общества.

Но не смотря на то въ 1848 г. открытъ былъ заговоръ Петрашевскаго, и заговорщики были строго наказаны. Еще не давно открытъ былъ въ Харьковѣ студенческій союзъ, и всѣмъ извѣстно, что какъ въ университетахъ, такъ равно и въ прочихъ, особенно военноучебныхъ заведеніяхъ, скрывается духъ политическихъ заговоровъ, но до появленія студенческихъ демонстрацій имъ не придавали большой важности.

Не въ Россіи одной предаются недостигаемому соціализму [contrat social] и мыслямъ 1783 года — удѣлъ научно образующейся молодежи увлекаться всѣмъ идеальнымъ, и ни одинъ серьезный человѣкъ, ни въ Германіи, ни въ Россіи, не думалъ еще вооружаться своею ученостію, чтобы выводить молодежь на прозаическую дорогу дѣйствительности. Время есть лучшій учитель.

Но подобныя проявленія, идя рука объ руку съ политическими событіями, предполагаютъ уже систематическое руководство, и потому должны обратить на

себя бо̀льшее вниманіе, чѣмъ сколько бы оно заслуживало въ другое время.

Все вышеизложенное нынѣ ясно проявляется, и хотя оно совершается публично, но не всѣмъ доступно, ибо скрывается въ запрещенной русской печати, доступной потому лишь нѣкоторымъ и весьма не многими по достоинству цѣнимой.

Извѣстно большой части русской публики, что въ Лондонѣ издается газета „Колоколъ“, пасквиль противъ царской фамиліи и многихъ государственныхъ сановниковъ, пасквиль, составляемый по колкимъ и грязнымъ разсказамъ изъ Петербурга и Москвы; что во всей Россіи есть ему сотрудники, кореспонденты; что не смотря на принятыя мѣры противъ ввоза этой газеты она все таки достигаетъ Россіи и съ жадностію читается.

Но въ новѣйшее время главные органы германскихъ вѣдомостей рѣшительно возстали противъ подобнаго безнравственнаго дѣйствія, какъ „Колокола“, такъ и „Будущности“ издаваемой кн. Петромъ Долгорукимъ, и указали, что симъ путемъ развитію Россіи не только чинятъ препятствіе, но навлекаютъ на нее безчисленныя бѣдствія, и не на одну Россію, но и на весь западъ Европы подстрекательствомъ народонаселеній Польши, Богеміи и другихъ славянскихъ земель.

Какъ всегда неумѣренность вызываетъ реакцію, такъ и теперь со всѣхъ сторонъ слышны жалобы на этихъ русскихъ прогрессистовъ, стремящихся чрезъ грязь и кровь къ достиженію своей утопіи, не отвергая постыдныхъ средствъ, чтобы только самимъ царствовать, хотя бы на развалинахъ и развратѣ.

Нынѣ, когда въ Петербургѣ ясно доказано, что памфлеты и возванія, которыя Михайловъ повсюду раз-

давалъ, напечатаны въ Лондонѣ въ типографіи „Колокола“ и съ помощью его редактора, когда движеніе студентовъ въ Москвѣ, Казани и Харьковѣ суть только результаты подобныхъ поджигательствъ, когда вообще всякое ложное политическое движеніе со всѣми печальными и ложными послѣдствіями, истекаетъ изъ этихъ же злоумышленныхъ русскихъ сочиненій, не перестающихъ взывать къ бунту, то естественно рождается желаніе ознакомиться съ ихъ содержаніемъ и стремленіемъ, о которыхъ въ Германіи только извѣстно, что они печатаются въ Берлинѣ, Наумбургѣ и Лейпцигѣ. До сего времени они было публичною тайною, всюду выставляемы и ни кѣмъ не понимаемы. Казалось, что они были безвредны, и что русская цензура ихъ оправдывала и до извѣстной степени брала подъ свое покровительство. Ни одна германская достойно уважаемая газета не брала на себя труда початать переводы изъ этихъ листковъ, безсознательно чувствуя, что они заключаютъ въ себѣ злостную ложь, удовлетворяющую лишь малому числу недовольныхъ.

Германія не обращала особеннаго вниманія на то, чего желаетъ для Россіи Герценъ и Долгорукій. Хорошо зная что мысли ихъ отъ излишней восторжености пусты и непрактичны, она не препятствовала имъ дѣлать, что угодно, и за ними не наблюдала.

Нынѣ, когда въ Россіи начинаетъ процвѣтать разбросанное сѣмя соціализма, когда различныя демонстраціи начинаютъ бушевать на публичныхъ площадяхъ, дѣлается необходимымъ для Германіи ознакомиться съ этими всеразрушающими господами, дабы не могли впослѣдствіи упрекнуть, что умъ, обычаи и полити-

ческая свобода нѣмцевъ споспѣшествовали своимъ молчаніемъ такому безчинству.

III.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ не было извѣстно о быстрой дѣятельности русской печати въ чужихъ краяхъ. Нынѣ существуютъ русскія типографіи въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ и Наумбургѣ и, какъ кажется, онѣ съ достаточною выгодою размножаютъ рукописи, недозволенныя въ Россіи цензурою.

Еще въ 1848 г. ни Бакунинъ, ни Фэенбургъ не имѣли мысли употребить печать, какъ средство бунтовать свое отечество; но на это рѣшился политическій бѣглецъ А. Герценъ, извѣстный, какъ писатель подъ именемъ Искандера. Сперва онъ печаталъ въ Лондонѣ однѣ брошюры, но потомъ сталъ издавать журналъ „Колоколъ“ съ прибавленіемъ: Подъ судъ и голоса изъ Россіи. Почти незамѣтно на западѣ Европы было появленіе этихъ изданій, направленныхъ противъ нынѣ существующаго правительства и состоянія Россіи; но въ самой Россіи они произвели особое впечатлѣніе. Хотя уже съ первыхъ номеровъ своего появленія, они нападали на лица высоко поставленныя, но нельзя было полагать, чтобы высылавшіе изъ Россіи извѣстія, и печатавшіе ихъ въ Лондонѣ серьезно полагали этимъ путемъ достигнуть благоразумныхъ реформъ. Впрочемъ маска скоро была сброшена, и съ каждымъ новымъ номеромъ все болѣе обозначалась и цѣль и средства сихъ изданій. Источниками служили разсказы лакеевъ, сплетни публики, подкупъ, ложь, какой въ Германіи и примѣра

не было, развѣ въ Лондонѣ въ 1848 г. въ журналѣ „Сатиристъ“; но съ тою разницею, что сей послѣдній былъ въ самое короткое время отвергнутъ здравымъ разумомъ достойной англійской публики.

Герценъ владѣетъ блестящимъ перомъ и умѣетъ въ своихъ статьяхъ придать себѣ видъ политическаго мученика. Нападки его всегда злы, разсказы преувеличены, и всѣ предположенія къ измѣненію существующаго столь же неисполнимы, сколько отзываются неопытностью. Онъ дѣлалъ изъ себя революціонера, коммуниста, отвергалъ религію, предлагалъ насильственный переворотъ и зашелъ столь далеко, что уже не могъ болѣе остановиться, боясь потерять своихъ почитателей.

Нѣмцамъ невозможно себѣ представить, къ какимъ низкимъ и подлымъ средствамъ прибѣгалъ Герценъ, чтобы побѣдить своихъ политическихъ противниковъ; негодованіе свое онъ выражалъ площаднымъ руганіемъ, полагая тѣмъ заглушить свою политическую ничтожность, и доколѣ порицанія его и брань относились до нѣкоторыхъ лицъ, ихъ коихъ иныя точно не любимы въ Россіи, все общество находило въ ономъ себѣ развлеченіе. Но продолжать ругаться противъ однихъ и тѣхъ же лицъ, въ долготу дней можно наскучить, а потому онъ началъ избирать новыя лица, и чѣмъ болѣе число обруганныхъ увеличивалось, тѣмъ самый кругъ безвинно смѣявшихся уменьшался. Возраженій изъ Россіи Герценъ не принималъ, а въ Россіи подобнаго рода печатаніе не позволялось, ибо цензура этого не допускала, и по сему Герценъ находился въ совершенно исключительномъ, обезпеченномъ положеніи.

Онъ могъ писать и дѣлать все, а кого оклеветалъ,

тотъ не смѣлъ и не могъ ничего сдѣлать. Колоколъ бросалъ свои искры на все общество и на частныя лица и проповѣдывалъ все то, что недавно Михайловъ старательно распространялъ печатно по улицамъ Петербурга.

Все это совершалось въ то самое время, когда Императоръ Александръ II и люди имъ избранные проводили Россію ко благу по новому пути и дали возможность достигнуть благоразумнаго развитія.

Но эти дѣйствія въ то время произвели не благовидное соотношеніе и общественное столкновеніе въ мысляхъ, которыя отъ малѣйшей искры могли воспламениться.

Самое запрещеніе сочиненій Герцена конечно имѣетъ тоже свою прелесть, но уже начинаетъ проникать въ обществѣ сознаніе о вредности подобнаго пути, и люди, которые сначала смѣялись, увидѣли наконецъ и себя поруганными и выставленными къ позорному столбу, чего они не ожидали. Подобнымъ образомъ нельзя служить своему отечеству, даже и при дѣйствительномъ политическомъ страданіи. Герценъ же, удалившись добровольно изъ своего отечества, выдаетъ только себя за политическаго изгнанника. Онъ не скрываетъ, что его цѣль взбунтовать Россію, свергнуть Императора съ престола, сослать въ заточеніе все его семейство, уговорить войско измѣнить присягѣ и вѣрноподданничеству и возмутить народъ противъ дворянъ и всякихъ другихъ владѣльцевъ. Обо всемъ этомъ онъ выражался съ цинизмомъ, такъ что ежели бы въ Германіи это знали, то предали бы его всеобщему поруганію. Но этого именно никто не знаетъ, хотя оно происходитъ среди насъ, можно сказать, подъ нашимъ покровитель-

ствомъ и даже съ нашимъ участіемъ передается въ Россію.

Въ новѣйшее время Г. Шедо-Ферротти (извѣстный писатель Баронъ Фирксъ) возсталъ противъ сихъ возмутительныхъ сочиненій печатаемыхъ въ Лондонѣ, и если вѣрить французскимъ газетамъ, то на дняхъ появится новая брошюра того-же самаго автора. Желательно, чтобы она была написана сильнѣе и самосознательнѣе первой, въ благородно-ироническомъ тонѣ, по которому замѣтно, что сочинитель ея съ отвращеніемъ за дѣло взялся и даже съ принужденною учтивостію. Но все таки онъ не могъ избѣжать и не высказать, что съ подобными людьми употребляютъ иную рѣчь, ибо эти люди унижаютъ высокое предназначеніе печати и ея высокое призваніе употребляютъ, какъ ядъ, для достиженія своихъ цѣлей.

Наконецъ настала, кажется, неизбѣжная реакція противъ Герцена и его постыдныхъ сотрудниковъ, и безъ сомнѣнія Германія, получивъ о немъ справедливое понятіе, не замедлитъ отвергнуть его клеветы.

Для Германіи лучшимъ средствомъ для ознакомленія съ сочиненіями Герцена было бы перевести ихъ на нѣмецкій языкъ; но никакое перо не рѣшится на это: такъ все дышетъ безстыдною ложью и грубымъ цинизмомъ. Подобно ему писалъ въ Парижѣ Pêre-Duchese или La Gaillotine во времена ужаса, и если ими брошенное сѣмя принесло во Франціи достойные плоды, мы могли бы ожидать подобныхъ результатовъ въ Россіи отъ русскаго сѣятеля плевелъ.

Германія не нуждается видѣть въ Россіи революціи, ибо въ подобномъ случаѣ она сама пострадала бы отъ развитія славянскаго расширенія; мы уже видимъ

примѣры сего въ польскомъ движеніи, и нигдѣ не проявляется болѣе ненависти къ Германіи, къ нѣмцамъ, какъ въ сочиненіяхъ Герцена. Онъ старается возбудить въ русскихъ ненависть къ Императорскому Дому тѣмъ, что они всѣ нѣмецкаго происхожденія, и во всѣхъ его сочиненіяхъ выставляется какъ упрекъ, что въ русской арміи, въ управленіи, въ университетахъ, въ искуствахъ и наукахъ преобладаетъ нѣмецкій элементъ. Пусть же Германія знаетъ, чего она должна ожидать отъ тѣхъ русскихъ, которые стараются все ниспровергнуть и о томъ постоянно проповѣдуютъ.

Печатано въ типографіи Розенталя и Ко. въ Берлинѣ.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Глава II.

Либеральное направленіе, данное государственному управленію со дня восшествія на Престолъ Государя Императора Александра II, породило во всѣхъ классахъ народа жизнь новую, и за тѣмъ вскорѣ образовались два лагеря прямо противуположные во взглядѣ какъ на дѣла отдѣльныхъ лицъ, такъ и на дѣйствія правительства. Устарѣлыя, привыкшія къ прежнему безотвѣтному и безотчетному дѣйствію, лица, конечно или вовсе не могли, или съ трудомъ должны были подчиниться новому направленію: они съ ужасомъ смотрѣли на новыя предпріятія правительства, страшась за собственное благополучіе испокойствіе своихъ дней.

Другая часть, состоявшая изъ силъ молодыхъ, свѣжихъ, но не исполненныхъ опыта, съ юношескимъ жаромъ устремилась впередъ, не зная ни мѣры своему стремленію, ни цѣли онаго, полагая въ нѣсколько дней, все прежнее устарѣлое пересоздать вновь: среди сихъ

обѣихъ партій, правительство замѣтило всю трудность своего временнаго положенія, будучи съ одной стороны твердо проникнуто потребностію разумной реформы, а съ другой признавая за собою необходимость сдерживать, можетъ быть и благородные, но не основанные на опытѣ порывы молодаго поколѣнія.

Оставалась еще средина между сими двумя партіями, недовольная какъ неподвижностью первыхъ, такъ и быстрымъ стремленіемъ послѣднихъ, которая однакожъ на свои собственныя силы не отважилась принять ничего, — ни содѣйствовать правительству въ его затрудненіяхъ, ни примирять духъ партій, ни даже дѣйствовать смѣло противъ обѣихъ.

Между тѣмъ не тронутая ни кѣмъ, ни силою правительства, ни бездѣйствіемъ отсталаго поколѣнія, партія новая, присвоивъ себѣ девизъ людей передовыхъ, съ каждымъ днемъ усиливаясь не столько впрочемъ числомъ, сколько степенью стремленій къ всеобщей ломкѣ прежняго, дошла наконецъ до размѣровъ, которые конечно ни въ одномъ государствѣ, какое оно бы ни было, не получатъ инаго названія, кромѣ отважной дерзости.

Заграничная вольная печать давно уже готовила подобное направленіе и сообразно нынѣшнему направленію умовъ усилила свою ярую работу, и Г. Герценъ сочинилъ цѣлую программу для вѣрнѣйшаго разстройства нынѣ существующаго порядка въ государствѣ. Всѣ средства ему доступны и ни что для него не свято: поднять весь русскій народъ, заставить солдатъ измѣнить присягѣ и долгу чести, заманить казаковъ видами воли, возмутить спокойствіе монаховъ, чиновниковъ, а главное — чрезъ коммерческіе и другіе пути пріобрѣсть

деньги, какъ необходимое средство для поддержанія всеобщаго возстанія.

Допустимъ, что Г. Герценъ находитъ все это необходимымъ для разрушенія деспотизма правительства; но не ужели полагаетъ онъ, что еслибы и дѣйствительно совершилось чего онъ хочетъ, то результатъ изъ того будетъ абсолютно хорошъ? что тогда воцарится въ Россіи идеальное царство, что справедливость будетъ бсзупречна и каждый до послѣдняго члена въ государствѣ станетъ зажиточенъ? что наконецъ и самый климатъ будетъ лучше? Нѣтъ, Александръ Ивановичъ, не вы первый, не вы послѣдній, которые жертвовали всѣми благами земли и счастіемъ другихъ безъ собственной выгоды, и не одинъ разъ люди ошибались, предаваясь подобнымъ, и дорого платили за подобное забвеніе; теперь человѣчество сдѣлалось болѣе положительнымъ и практичнымъ и знаетъ чего можно ожидать отъ подобныхъ увлеченій. Вы русскихъ на сей разъ не завлечете въ ваши сѣти: русскіе хотятъ лучшаго и этого никто не скрываетъ, но намѣрены достигнуть его инымъ путемъ; ознакомьтесь съ ходомъ нашихъ дѣлъ и вы удостовѣритесь, что дѣйствія ваши ложны и не сбыточны.

Вы въ вашемъ журналѣ начали печатать сообщаемыя вашими корреспондентами извѣстія, обыкновенно въ ложномъ видѣ и сверхъ того еще отъ себя прибавляете свой приговоръ съ цинизмомъ и поруганіемъ на всѣхъ и на каждаго, отъ Бога и Правительства до послѣдней личности, дѣйствующей въ управленіи

Г. Герценъ и его агенты не поняли только одного. что чѣмъ болѣе они употребляютъ брани и угрозъ, тѣмъ болѣе роняютъ значеніе своихъ журналовъ въ

глазахъ тѣхъ, которые не отвергали пользу его изданій, какъ единственнаго тогда органа свободнаго слова.

Повѣрьте, Александръ Ивановичъ, вы съ помощію вашихъ заграничныхъ изданій достигли результатовъ совсѣмъ противу-положныхъ тѣмъ, какіе вы ожидали: думая всѣхъ вооружить противъ Правительства вашею злобою ко всему истинному, вы усилили только осторожность разумнаго русскаго большинства и мы видимъ, что, большинство это содѣлывается главнымъ оплотомъ Правительства. Отдайте себѣ отчетъ: чего вы хотите отъ Россіи и можно ли когда либо достигнуть вашихъ предположеній? Вы могли заблуждаться нѣкоторое время, но продолжать настаивать на развитіе въ Россіи коммунизма, значитъ вовсе не знать нашего народа: или вы уже успѣли въ 20 лѣтъ забыть свое Отечество?

Вы кажется проникнуты убѣжденіемъ, что съ береговъ Темзы вы управляете Россіей и стали ея судьбою; что вы устраиваете правильную администрацію, что керреспонденты ваши только-что не государственные люди и помогутъ вамъ пересоздать царство.

Неоспоримо, вы вашею печатью много уже надѣлали хлопотъ Правительству; но чтобы вы имѣли вліяніе на перемѣну порядка въ нашемъ государствѣ, или чтобы какая либо реформа, сдѣланная правительствомъ произошла въ слѣдствіе вашего указанія — тому конечно ни сами вы, и ни кто иной неповѣритъ; въ утѣшеніе же вамъ остается только одна лесть отъ той горсти молодыхъ людей, которые слѣпо въ васъ вѣруютъ.

Подобныя выходки исторія предъявляла, во всѣ времена, но она же и доказывала, что онѣ никогда не были опасны для Правительствъ и слѣдовательно еще менѣе могутъ быть такими въ странѣ, гдѣ самъ Царь стоитъ

въ главѣ разумнаго улучшенія: сознайте же послѣ этого, Александвъ Ивановичъ, всю слабость вашу и насиліе въ поруганіяхъ, которыми вы поносите лицъ, стоящихъ въ главѣ 70. мил. русскаго народа. Вы полагаете, что ваша партія въ Россіи значительна, потому что публика читаетъ вашу печать; но вамъ слѣдовало бы расчитывать не на число читающихъ, а на вліяніе, которое производитъ это чтеніе, особенно въ новѣйшее время, и ежели бы вы могли слышать сужденія мыслящихъ людей, о сочиненіяхъ вашихъ, вы бы сильно разочародовались.

Во всѣхъ вашихъ писаніяхъ проглялыдаетъ нетерпѣливое желаніе знать всякое новое распоряженіе нашего Государя, дабы потомъ съ лихорадочною злобою предаться поруганію надъ всякимъ предпріятіемъ, хотя бы оно было, даже по убѣжденію вашему, мѣрою вполнѣ полезною для народа. Вы даже сначала радовались освобожденію крестьянъ, но скоро желчь взяла свое и вы возвратились къ любимому промыслу и наругались вдвое, какъ бы желая загладить первоначальную хвалу. Ваши помощники, по лозунгу старались превзойти васъ, и Долгорукій чувствуя, что всѣ его аргументы не прочны и безплодны, ухватился за послѣднее орудіе — площадную брань и отъ „Будущности перешелъ къ „Правдивому“, къ несчастію забывъ напечатать: „издаваемому самымъ честнымъ человѣкомъ“. Его статья, особенно письмо изъ Петербурга есть конечно достояніе его собственной мысли, которою онъ и вправѣ играть какъ знаетъ, а наше дѣло вѣрить или не вѣрить; но сомнительно, чтобы даже вы могли сочувствовать его наглымъ выходкамъ въ статьѣ о „Кольянщикахъ“. На кого-жъ послѣ этого онъ могъ расчитывать, что станутъ

вѣрить подобнымъ низкимъ выходкамъ? Вы видите, Александръ Ивановичъ, когда человѣкъ разъ забывшій стыдъ, рѣшившійся на кражу 50,000 р. за грязное дѣло, такой человѣкъ уже не замѣчаетъ, что онъ дѣлаетъ и полагаетъ, что всякая низость для него возможна и способна быть въ его рукахъ орудіемъ клеветы людей незапятнанныхъ.

Предлагаемъ и еще случай: рѣшился ли бы такой человѣкъ, какъ Князь Юрій Голицынъ, войти подъ ваше знамя, не зная напередъ, что ему готовится радушный пріютъ? Нельзя не удивляться только, что вы его такъ горячо прижали къ своему сердцу, развѣ надѣясь и въ немъ имѣть нужду для преобразованія Россіи; или можетъ быть за давностію вашего удаленія изъ Россіи вы и не могли изучить въ подробности жизнь этой личности? Въ такомъ случаѣ позвольте васъ вкратцѣ съ нею ознакомить:

Князь Юрій Голицынъ выросъ безъ особеннаго воспитанія; рано только въ немъ проявилась наклонность къ музыкѣ и гастрономіи; на за то этимъ чувствамъ онъ предался вполнѣ и исключительно: послѣ обѣда разсуждалъ съ поваромъ объ ужинѣ, послѣ ужина мечталъ объ обѣдѣ, а промежутокъ посвящалъ музыкѣ. Жизнь обыкновенная и не стоило бы, казалось, о ней упоминать, еслибъ не заслуживали вниманія два особенные случая, которые его хорошо обозначатъ и сообразно которымъ онъ получилъ пріемъ въ Лондонѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время его тамъ пребыванія и былъ наконецъ сопричисленъ къ сонму политическихъ мучениковъ, вынужденныхъ оставить неблагодарное Отечество съ его деспотическимъ правительствомъ.

Живя безъ цѣли и безъ серьезнаго приготовленія

къ чему бы то нибыло, онъ раззорялся безъ нужды, впадалъ въ долги, хотя уже былъ женатъ и для поправленія своихъ средствъ, занялся устройствомъ пѣвческой капеллы, надѣясь выгодно передать свой хоръ въ Исаакіевскій Соборъ, котораго освященіе предстояло тогда въ скоромъ времени. Надо ему отдать справедливость какъ капельмейстеръ онъ точно знатокъ своего дѣла: набравъ сотню голосовъ за хорошія деньги онъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ его слушали съ удовольствіемъ, оцѣнили его талантъ, но не сошлись въ цѣнѣ для назначенія этого хора въ Исакіевскій Соборъ. Пѣвчіе, вытребовавъ расчетъ, разошлись и онъ очутился одинъ предъ множествомъ кредиторовъ за невыплаченные долги. Безъ денегъ и внѣ возможности выѣхать изъ столицы, преслѣдуемый кредиторами, Голицынъ прибѣгнулъ къ такому способу, котораго иной не выдумалъ бы ввѣкъ; онъ написалъ къ вамъ, Александръ Ивановичъ, письмо, конечно самаго яраго содержанія, разругалъ по вашей программѣ всѣхъ, кого по вашей инструкціи надлежало, и отправился ходить около Главнаго штаба, поджидая встрѣтить писаря. Перваго встрѣченнаго онъ остановилъ, просилъ письмо это переписать, давъ ему деньги и адресъ свой, куда надлежало принести. Писарь прочелъ и естественно, увидавъ содержаніе письма, представилъ его по начальству. Дѣло началось и его арестовали и какъ онъ извѣстенъ уже былъ за пустаго человѣка, то не придали его поступку никакой политической важности, выслали въ Тамбовскую губернію, кажется въ городъ Козловъ на жительство. Этого только Голицыну и хотѣлось: кредиторы ахнули, да и сказали: пиши пропало.

Но Голицынъ зналъ, что избавившись на первыхъ

порахъ отъ кредиторовъ, онъ все таки отъ судебнаго порядка не освободится и рано или поздно его достигнутъ; обдумавъ это онъ рѣшился бѣжать изъ Россіи.

По возможности собралъ онъ послѣднія крохи своего состоянія и для полноты романа, покинувъ жену, увезъ молодую дѣвицу хорошей дворянской фамиліи и обвѣнчавшись съ нею, благополучно прибылъ въ Лондонъ.

Если предшествовавшая его жизнь была только безумна, то послѣдующая стала для него вполнѣ несчастна: послѣднее что было, онъ промоталъ и для спасенія началъ давать въ Лондонѣ русскіе концерты, конечно не упустивъ на афишахъ написать: par le Prince Golitzin. Музыка поправилась, но не обогатила его; а теперь и вы его отъ себя оттолкнули, увидавъ, что съ нимъ толку нѣтъ. На дняхъ еще въ иностранныхъ газетахъ оповергнутъ былъ слухъ, будто онъ изъ Лондона хотѣлъ бѣжать отъ кредиторовъ.

Не останавливаясь на письмѣ, писанномъ къ вамъ отъ него и составляющимъ одну изъ характеристическихъ сторонъ его жизни, обратимъ вниманіе на учиненную имъ явную бигамію, которая тѣмъ болѣе удивительна, что онъ живетъ среди народа, на этотъ счетъ чрезвычайно строгаго. Вы скажете: этого никто не знаетъ; но вы про то знаете и казалось бы подобное явленіе не должно быть терпимо, или можетъ быть это допускается во имя политическаго страдальца? Несомнѣнно впрочемъ, что рано или поздно Англійское правительство до него доберется.

Вы видите, Александръ Ивановичъ, что не легко Вамъ похвалиться достоинствами сподвижниковъ вашихъ, но въ большемъ дѣлѣ все нужно, и предпринявъ прео-

бразованіе Россіи, вы безъ подобной опоры обойтись не можете.

Между тѣмъ, помимо вашего содѣйствія наша любезная Россія быстро идетъ впередъ на пути разумнаго прогресса: 6 лѣтъ Царствованія Императора Александра II составляютъ въ государственномъ движеніи 60 лѣтъ прошедшаго. Царь, отъ котораго идутъ всѣ предначертанія, подобно приложеннымъ при семъ постановленіямъ, энергически, съ юношескими силами работаетъ на благо своей родины и конечно исторія отдастъ ему на безпристрастныхъ своихъ страницахъ дань, достойную не многихъ великихъ дѣятелей, которые, не взирая на неутомимыя преграды времени и привычекъ народа, не касаясь уже ядовитыхъ козней заграничныхъ писателей и ихъ помощниковъ, сумѣлъ на пути усовершенствованія проложить свѣтлую дорогу по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія и покойно взираетъ на будущность своего Отечества: такой только историкъ, твердо стоя за истину, станетъ судьей Его Особы.

А вашъ лозунгъ изъ Лондона здѣсь принимается только толпою невидимыхъ дѣятелей и конечно ни кѣмъ изъ опытныхъ и разумно-либеральныхъ людей. Одинъ изъ самыхъ пошлыхъ поводовъ, чтобы потревожить общество составляютъ памфлеты; скоро минетъ уже годъ, какъ здѣсь распространяютъ печатныя прокламаціи, дѣтское содержаніе которыхъ вы знаете; но гибель Михайлова, какъ вы сами говорили приближеннымъ въ Лондонѣ, лежитъ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ вашемъ. За тѣмъ вновь появившіяся прокламаціи даютъ еще болѣе жалкое понятіе о степени умственнаго развитія не призванныхъ преобразователей Россіи, и сознайтесь, Александръ Ивановичъ, когда вы ихъ прочли, вамъ самимъ досадно было на

какія ребяческія силы вы расчитывали! Теперь преобразователи провозгласили, что государственная дума учреждена, но что общество еще не созрѣло для формальнаго и явнаго противудѣйствія противъ существующаго правительства. Ну, ежели это вся Европа узнаетъ чрезъ газеты, право стыдно будетъ намъ, что русская земля способна произвести столь легкомысленную массу народа; но все это положимъ, безопытная молодежь, а вы то, Александръ Ивановичъ, мечтаете съ этой арміей потрясти Россію; съ этимъ архимедовымъ винтомъ повернуть ось земную, ходъ царства остановить! . . . .

Исторія не являетъ примѣра, чтобъ бытъ народа улучшался съ помоцію памфлетовъ и поруганій; только прямое открытое и разумное слово способно приносить пользу Государству и народу, и это-то слово получило у насъ жизнь по желанію и содѣйствію Императора, а ежели и случалось, что любовь къ Отечеству иныхъ заносила слишкомъ далеко, то это было плодомъ горячаго воображенія, увлеченія юношескихъ силъ и ограничивалось не упрекомъ, а совѣтомъ благоразумія.

Читайте наши газеты и журналы и сравните съ литературой вашего времени — вамъ можетъ быть и совѣстно станетъ за вашу современность: въ Россіи умныхъ людей всегда было довольно, всѣ они любятъ свое Отечество и первое слово Царя о желаніи видѣть разумно-свободную рѣчь, вызвало множество энергическихъ дѣятелей, которымъ не нужно вашихъ пожарныхъ постановленій; не нужно также и поддержки со стороны тѣхъ неопытныхъ головъ, которыя поддаются на вашу приманку. Намъ нужна молодость, готовая къ наукѣ, безъ которой нѣтъ прочнаго хода въ будущности; а ваши сотрудники, мечтая съ вами вытащить

что-то изъ болота, вязнутъ только сами въ немъ. Для нашей не устроенной еще машины найдутся силы и безъ вашей помощи.

Позвольте на сей разъ кончить тѣмъ, что еслибы даже у нашего Царя (какъ то вы стараетесь доказать всему міру) сосредоточены были вмѣстѣ всѣ слабости, свойственныя отдѣльно каждому человѣку, то и тогда удѣлъ дѣятельности его до сего дня таковъ уже, что иному и въ нѣсколько жизней того не сдѣлать, каковы напр. освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, уничтоженіе откупнаго дѣла и рядъ другихъ смѣлыхъ преобразованій, о которыхъ укажемъ въ слѣдъ за симъ.

Выписка изъ нѣкоторыхъ постановленій за послѣднее шестилѣтіе.

1856 годъ.

1) Учрежденіе эмеритальной кассы въ Морскомъ вѣдомствѣ (начало обезпеченія участи семействъ служащаго сословія).

2) Всемилостивое прощеніе политическимъ преступникамъ.

3) Отмѣна особой пошлины съ отъѣзжающихъ за границу, за выдаваемые имъ паспорты.

4) Объ исключеніи кантонистовъ изъ военнаго и морскаго вѣдомства (особожденіе цѣлаго сословія отъ обязательной службы въ нижнихъ чинахъ).

1857 годъ.

5) Сооруженіе первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

6) Объ увольненіи крѣпостныхъ людей за-границу.

7) Нарѣзныя ружья.

8) Трактатъ съ Японіей.

9) О возможномъ сокращеніи расходовъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія.

10) Объ отмѣнѣ присяги при производствѣ въ чины и при назначеніи на новыя мѣста.

1858 годъ.

11) Объ учрежденіи временной коммисіи для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми [начало словеснаго, открытаго судопроизводства]

12) Объ исключеніи изъ горнаго вѣдомства дѣтей нижнихъ воинскихъ чиновъ [освобожденіе отъ обязательной службы]

13) Объ увольненіи всѣхъ находящихся въ вѣдомствѣ Путей Сообщенія кантонистовъ Еврейскаго закона въ свободное податное состояніе тѣхъ губерній, откуда родомъ ихъ отцы или воспитатели.

14) Упразденіе Инспекторскаго Департамента гражданскаго вѣдомства.

1859 годъ.

15) Объ устройствѣ эмеритальной кассы въ сухопутномъ вѣдомствѣ [обезпеченіе участи семействъ цѣлаго сословія]

16) О сравненіи еврейскихъ купцовъ 1 й гильдіи въ платежѣ пошлинъ за торговыя свидѣтельства, съ купцами той же гильдіи другихъ исповѣданій [водвореніе правъ цѣлаго сословія]

1860 годъ.

17) О дозволеніи еврейскимъ купцамъ 1 й гильдіи Царства польскаго приписываться въ купечество 1 й гильдій по всѣмъ городамъ Россійской Имперіи.

18) О распространеніи на возвращающихся евреевъ милости дарованной манифестомъ 26 Августа 1856 года.

19) Объ отдѣленіи отъ полиціи вообще производ-

ства слѣдствій по преступленіямъ и проступкамъ подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ.

20) О дозволеніи нижнимъ чинамъ гвардіи, изъ евреевъ, оставаться на жительствѣ въ Петербургѣ.

1861 годъ.

21) Объ исключеніи изъ почтоваго вѣдомства нижнихъ почтовыхъ служителей [освобожденіе отъ обязательной службы]

22) О прекращеніи назначенія штатныхъ служителей изъ крестьянъ къ архіерейскимъ домамъ и монастырямъ.

23) Права на торговлю женъ служащихъ чиновниковъ.

24) О предоставленіи преимуществъ евреямъ получившимъ образованіе.

Означенныхъ выписокъ изъ множества Высочайшихъ Указовъ, послѣдовавшихъ въ 6ти лѣтнее царствованіе Императора Александра II, вполнѣ достаточно, чтобы указать, что стремленія Его Величества проникнуты разумно-либеральнымъ направленіемъ, истиннымъ прогрессомъ и тою послѣдовательностію въ постепенномъ движеніи впередъ, какая доступна лишь опытному государственному соображенію. А наши западные преобразователи и толпа нашей молодежи мечтаютъ все создать однимъ разомъ и при томъ ни при какой реформѣ не сдѣлать ни одной ошибки. Мы видимъ не только у насъ въ Россіи, но и во всѣхъ самыхъ древнихъ образованныхъ государствахъ, правительства вынуждены бывали, по указанію времени и обстоятельствъ, дѣлать различныя измѣненія своихъ предположеній; а образъ

понятій нашей молодежи таковъ, что подъ вліяніемъ западной русской печати, они мечтаютъ возможнымъ пересоздать все однимъ словомъ и это тѣмъ болѣе обидно, что въ нашихъ собственныхъ юныхъ силахъ такъ много всего хорошаго и благороднаго, при горячемъ стремленіи къ правдѣ, что удивительно какъ они не видятъ, что въ горделивыхъ замыслахъ Долгорукаго, Герцена и имъ подобныхъ таится лишь личное стремленіе къ выгодѣ и удовлетворенію своего самолюбія.

Кто точно любитъ свое Отечество и одаренъ умомъ и образованіемъ, владѣетъ отлично перомъ, тотъ не употребитъ своихъ даровъ на площадное поруганіе, на слова, свойственныя лишь самому грубому народу, а ежели имѣетъ въ своихъ мысляхъ передать соотечественникамъ что либо полезное, то сдѣлаетъ это съ достоинствомъ и оставитъ добрую память своими дѣйствіями: и кому потомство поставитъ памятникъ по дѣламъ новѣйшаго преобразованія Россіи о томъ предоставляется мыслить каждому . . . . .

ГЛАВА III.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Глава III.

Слѣдя за усовершенствованіями, какія приведены уже въ исполненіе и за тѣмъ, что теперь въ ходу, поставимъ конечно на первомъ планѣ крестьянскій вопросъ. Освобожденіе сословія совершилось, ибо и не могло болѣе оставаться въ прежнемъ видѣ, хотя и не оспоримо, что если бы сей сильный переворотъ совершался постепенно, какъ теперь многіе это полагаютъ, то исполненіе его было бы лучше. Въ сильномъ огорченіи о потерѣ правъ на крестьянскія силы, помѣщики упрекаютъ правительство - зачѣмъ оно не постепенно ихъ лишало той власти, которую они или наслѣдовали или пріобрѣли куплею. Но сдѣсь самъ собою рождается вопросъ: почему же владѣльцы (не касаясь исключеній ихъ изъ общей массы) сами не умѣряли своего вліянія на столько чтобы сообразить цѣнность, которую они отдавали крестьянамъ въ угодье, съ силами, которыя

они отъ нихъ брали? Кто имъ въ этомъ препятствовалъ? Зачѣмъ сверхъ работъ, мало по малу, налагались поборы всякими сельскими продуктами, которые все увеличивались? Скажутъ: кто-жъ себѣ врагъ! Но отбросивъ нынѣ всѣ обоюдные упреки, когда великое дѣло уже совершилось, не лучше ли согласиться — что какимъ бы порядкомъ это освобожденіе ни состоялось, потеря для помѣщиковъ всегда была неизбѣжна: теперь же упрекать способъ исполненія этаго дѣла и поздно и опасно. Теперь остается одно для блага владѣльцевъ — крѣпко идти рука объ руку съ Царемъ, подчиниться порядку, который не можетъ уже измѣниться и начать новую жизнь, жизнь интелектуальную, и сполненную полноты мысли: тогда наша жизнь приметъ иное направленіе, мы растанемся съ любимою привычкою пожитъ съ излишкомъ на чужія силы и будемъ жить сообразно съ собственнымъ бюджетомъ и по своимъ средствамъ. Дворянство обременено долгами и это идетъ исторически отъ одной причины — отъ несоразмѣрности средствъ, какъ нашей собственной жизни, такъ и предшественниковъ нашихъ. Многіе ли, заложивъ и перезаложивъ свои имѣнія, употребили полученные капиталы на усовершенствованіе того, что имѣли; но почти всѣ, заплативъ старые долги посредствомъ займа, начинали вновь широко жить. Кто заложилъ имѣніе тотъ естественно обязался платить чувствительные проценты на долгія лѣта и для того казалось бы надлежало уменьшить свой расходъ; а много ли такихъ, которые поступили такъ? Жизнь шла по прежнему и въ этомъ болѣзненномъ состояніи застало насъ освобожденіе крестьянъ. Это былъ точно ударъ для дворянства, о которомъ можно сожалѣть, но можно тоже и желать,

чтобъ состоялся общій желанный выкупъ. Среди всего этаго и безъ того труднаго времени является еще Герценъ съ своею пропагандою и кричитъ: отдать крестьянамъ все. Ему укрывшемуся съ капиталомъ хорошо, а какого-то дворянству?

Можно ли проповѣдывать во всеуслышаніе: бери топоры, руби помѣщиковъ? И можно ли послѣ того не признать Герцена возмутилемъ Россіи.

Императоръ Александръ II совершилъ дѣло и ему потомство воздастъ великое за великое. Было много не хорошаго и будетъ еще, но и не возможно при столь сложномъ дѣлѣ безъ сотрясеній; будь только дворянство единодушно однихъ стремленій съ Царемъ — не порядокъ уменьшится; въ противномъ случаѣ, по естественному ходу вещей, онъ можетъ продолжаться къ обоюдкому вреду.

Не оспоримо, что крестьяне относительно Указа о своемъ новомъ положеніи и возложенныхъ на нихъ обязанностей многаго не понимаютъ, во многомъ неправы; исчисляя свои выгоды, они по своимъ понятіямъ, придали не естественно широкое значеніе о своей свободѣ и кромѣ того многіе изъ нихъ хитро и злостно прикидываются не понимающими дѣла. Нельзя впрочемъ оспорить, что во всѣ времена и почти во всѣхъ земляхъ нисшій классъ народа всегда имѣлъ наклонность вѣрить всему не естественному, а особенно тому, въ чемъ предвидится ему польза.

Дворянство полагаетъ, что возможно силою заставить крестьянъ понять и исполнить предписанныя правила, но не трудно понять, что не нормальное состояніе этаго класса столь обширно и столъ почти повсѣмѣстно, что принудительныя мѣры требуютъ большой осторож-

ности. Къ сожальѣнію правительство вынуждено было въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прибѣгнють къ оружію и было не мало жертвъ отъ этой крайности. Иные полагали что такой мѣры можно было избѣгнуть, другіе — что надо это повторять по всюду и вотъ образовались изъ сего два лагеря, разныхъ понятій оба крайнихъ; правительство обязано было избрать умѣренную средину; но конечно на все что посему печатано, Г. Герценъ не обратилъ вниманія.

Особый случай въ казанской губерніи обратилъ на себя общее вниманіе: неповиновеніе или лучше сказать непризнаніе Высочайшаго Указа 19 Февраля, составило массу до 5000 человѣкъ подъ предводительствомъ самаго ничтожнаго человѣка, который надѣвъ длинную рубашку, положилъ Указъ на голову и сказалъ; я пророкъ; указу неповинуйтесь. Желательно бы знать — въ какой землѣ (по мнѣню Г. Герцена) правительство потерпѣло бы подобное сумасбродство!

Легковѣрные крестьяне безотчетно желая завладѣтъ всѣмъ, чтобы помѣщики совсѣмъ удалились изъ своихъ помѣстьевъ, подобному вздорному человѣку, стали рѣшительно не повиноваться властямъ и даже убѣдились, по словамъ пророка, что ежели три раза выстрѣлятъ въ нихъ, то ихъ дѣло будетъ выиграно. Между тѣмъ къ нимъ спѣшили на помощь огромныя массы крестьянъ дальныхъ деревень, что давала возможность еще болѣе усумтъся массѣ даже до того, что опи пожалуй начали бы жечь и раззорять помѣщичьи дома и всѣхъ убивать; тогда уже не стало бы силъ съ ними справиться и нестастіе могло дойти до крайнихъ предѣловъ: но и на эту Мѣру слышались упреки. Г. Герцену легко разсуждать и рѣшать, когда онъ, его семсйство и его капиталъ въ

сохранности; но, Александръ Ивановичъ, ежели подъ топоръ несмысленной толпы попала голова вашего сына, подумайте — рѣшились ли бы вы тогда столь безпощадно нападать на то лицо, которое предупредивъ такое буйство тѣмъ самымъ спасло всю страну отъ безчисленныхъ бѣдствій. Легко вамъ внѣ Отечества разсуждать о дѣлахъ родины и рѣшать ихъ по своему и желая выказать, что вы справедливы, всѣхъ и каждаго ручать и проповѣдовать анархію: въ день смерти вашей вспомните о семъ эпизодѣ и о многомъ что говорили и дѣлали.

Правительство не останавливается въ начатомъ дѣлѣ и большинство лицъ разумнаго умѣреннаго образа мыслей, сознастъ всѣ блага отъ реформъ, которыя уже совершены въ послѣдніе 6 лѣтъ, будучи увѣрено, что Царь, путемъ имъ самимъ избраннымъ, недопуститъ сдвинуть сихъ началъ происками крайнихъ партій.

Трудно себѣ представить — какъ мало еще развиты понятія въ Россіи о жизни общественной: необходимо прежде всего сознать потребность подчиненія закону и хотя часто слышатся возгласы о равенствѣ предъ нимъ но кто же не знаетъ, что такъ должно быть и будетъ? Пока же это еще мертвая буква и желаніе изъятія слишкомъ еще въ нашей крови, а вѣковое преданіе родовыя привычки не разомъ измѣняются. Исторія намъ указываетъ, что у другихъ народовъ такой переворотъ въ убѣжденіяхъ дѣлался медленно, перерождая цѣлыя поколѣнія.

Лишь только воцарился Императоръ Александръ II, какъ выразилъ необходимость дать жизни своему народу болѣе легальной, возбудить умственную дѣятельность людей образованныхъ и мыслящихъ, идти во всемъ впе-

редъ: но было бы не не естественно ожидать, чтобы сразу все пошло основательнымъ шагомъ. Скоро все приняло грустный видъ: диспуты исполнились личностей и несогласія въ мнѣніяхъ вызвало обоюдную ненависть, угрозы и грубость выраженій. Не оспоримо, что все это временемъ уладится, но пока еще въ неустановившемся порядкѣ слѣдуетъ опасаться, что правительство временно вынуждено будетъ принять строгія мѣры. Впрочемъ литература уже начинаемъ проявлятся въ болѣе умѣренныхъ и правильныхъ формахъ и гласно упрекаетъ порывъ крайнихъ партій: принужденіе невозможно въ дѣлѣ убѣжденія, но убѣжденіе требуетъ обоюднаго уваженія.

Въ настоящее время у насъ всякая государственная отрасль даетъ свои ростки: открылись воскресныя школы, всѣ захотѣли быть учителями и съ радостію и гордостію къ столь благородному предпріятію обратилось общее вниманіе; но явилось болѣе учителей, нежели учащихся; подписки, театры, концерты и т. п. учрежденія собирали деньги, но отказаться на продолжительное время отъ нѣсколькихъ часовъ воскреснаго дня, иногда единственно свободнаго отъ труда, многіе нашли труднымъ и мало по малу дѣло воскресныхъ школъ приза-тихло, а ежелу гдѣ оно идетъ еще, то общество вообще про него забыло и не слыхать о нихъ ни слова болѣе. Начали проявляться общества трезвости, но также умолкли и откупщики, чтобъ только отстоять свои выгоды, старались препятствовать обществу, готовые еще болѣе платить откупныя суммы. Были охотники отпрягать лошадей на похоронахъ актеровъ и везти ихъ на себѣ до кладбища, а ковда черезъ годъ вновь назначили отслужить на могилѣ Мартынова панахиду, о чемъ было

извѣщено во всѣхъ газетахъ, то явилось туда только три артиста, здѣшняго театра. Эта упряжь въ постромкахъ гробовой колестницы, не новое дѣло: въ 1812 году по той же улицѣ народъ, на своихъ плечахъ, везъ къ казанскому. Собору тѣло Фельдмаршала Свѣтлѣйшаго князя Кутузова Смоленскаго — освободителя Россіи отъ громаднаго числа непріятеля; въ 1860 году по той же улицѣ публика везла весьма хорошаго актера и давно ли это было! А теперь уже никто непохвалится желаніемъ быть въ корню или пристяжкѣ и главное потому, что не онъ себя запрегъ, а его запрягла невидимая сила, сила не нашей русской земли, но которой необходимо было для преуспѣянія своего дѣла вовлечь и пріучить насъ русскихъ къ уличнымъ демонстраціямъ. Теперь же не то: на дняхъ при похоронахъ Куторги не только въ колестницѣ небыло людей, но даже и за гробомъ. Теперь даже и нашему. Учителю А. И. Герцену не поютъ хвалебныхъ гимновъ, потому что въ послѣднихъ разбрасываемыхъ прокламаціяхъ доказываютъ, что Герценъ слабъ, что беретъ только злымъ перомъ, надо быстро уничтожить жизнь семейную, устроить раздѣлъ имѣнія, словомъ затѣять сумасбродство, отъ котораго чрезъ малое время вновь будемъ стыдится, что оно могло явиться въ печати.

Князь Вяземскій еще при диспутѣ Костомарова и Погодина о томъ — откуда Россія идетъ, — сказалъ — не пора ли подумать — куда Россія идетъ и мы видимъ дѣйствія безъ цѣли, безъ программы, а поверхъ всего скандалъ и дерзновенное сотрясеніе всего общества двумя, тремя дѣятелями, печатающими гдѣ нибудь скрытно на чердакѣ прокламаціи отъ имени какой-то мечтательной государственной думы.

Среди всего этаго Царь обратилъ особое свое вниманіе на часть народнаго просвѣщенія и могъ уже прибавить къ 3½ милліонамъ изъ государственныхъ доходовъ еще одинъ милліонъ на эту часть. Неоспоримо, что и эта сумма, по соразмѣрности нашего обширнаго государства, недостаточно; но было прибавленіе однаго милліона, развѣ мы не вправѣ ожидать и болѣе?

Ревностно теперь заняты устройствомъ народныхъ школъ. Правительство точно также, какъ и частныя лица проникнуто необходимостью просвѣтить разумъ низшаго класса народа: дано начало и оно неизбѣжно пойдетъ впередъ. Нашъ народъ вѣками былъ лишенъ средствъ себя сознать: онъ являлся, росъ и пропадалъ и всему была одна причина — крѣпосткое состояніе: теперь оно исчезло и все идетъ на степень усовершенствованія, что особенно замѣтно на русскомъ народѣ, въ которомъ есть качества скоро сознать себя и переродиться: среди ихъ началась уже жизнь гражданская, болѣе семейная; но такъ какъ оно идетъ на западѣ, сдѣлать нельзя въ одинъ день; какъ въ болѣзни докторъ сперва осмотритъ, а потомъ пропишетъ осторожно и обдуманно лекарство, точно такъ и въ государственномъ преобразованіи, правительство обязано дѣйствовать по предварительномъ осмотрѣ. Послушаешъ Герцена, такъ онъ все лучше всѣхъ знаетъ, ругаетъ всѣхъ, полагая что горю поможемъ. Ежели обратить вниманіе на военную часть, то въ столь короткое время, какія тамъ произошли громадныя перемѣны, которымъ даже трудно повѣрить.

Кто зналъ прежде солдата, эту подвижную машину безъ всякаго сознанія самыхъ первыхъ условій обязанности, тотъ теперь въ силахъ оцѣнить все благое и

современное улучшеніе. Въ 6 лѣтъ русская армія привыкла заниматься стрѣльбою въ цѣль изъ нарѣзныхъ ружей которыя явились вдругъ во всемъ войскѣ; содержаніе и пища улучены одежда, столь часто подвергавшаяся измѣненіямъ, нынѣ дошла до самыхъ удобныхъ, простыхъ и дешевыхъ формъ и солдатъ началъ чувствовать всѣ эти блага. Для военнаго образованія существуютъ всѣ спеціальныя Академіи, откуда много уже вышло отличныхъ личностей, приносящихъ честь военному образованію. Называть эти личности здѣсь неумѣстно, но нельзя себѣ отказать назвать однаго, — это Г. Военный Министръ Милютинъ. Всѣ безъ исключенія признаютъ его истинно дѣловѣмъ человѣкомъ и благороднымъ помощникомъ Царя. Проявись люди съ достоинствомъ и они пойдутъ впередъ. Всѣ читали въ иностранныхъ газетахъ слово о Милютинѣ и всѣ назвали отзывъ справедливымъ. Царь окружаетъ себя людьми, которые конечно принесутъ Россіи истинную пользу. Военно учебныя заведенія публикою конечно не признаются за точно соотвѣтствующія учрежденія для предназначенной цѣли, но и всѣ земли Европы, прежде чѣмъ образовать офицера, образуютъ человѣка, а спеціальность передаютъ ему тогда, когда въ немъ проявится до извѣстной степени наклонность къ оному. Нельзя тоже не упомянуть, что и у насъ теперь уже сдѣланы въ семъ отношеніи нѣкоторыя замѣтныя перемѣны, и конечно на нихъ не остановятся; ружье, какъ слышно, не дадутъ кадету съ перваго же дня поступленіе его въ корпусъ, а сперва книги и уже въ послѣднихъ годахъ пребыванія въ корпусѣ займутъ фронтовою частью.

Грамотность солдатамъ преподается гг. офицерами, и они сравнительно съ Воскресными школами, ушли да-

леко впередъ. Эмеритальныя кассы въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ, есть одно изъ самыхъ гуманныхъ угрежденій и вѣроятно эта благодѣтельная мѣра будетъ введена и въ гражданскомъ вѣдомствѣ.

Словомъ на какую часть мы не обратимъ вниманія, всюду видѣнъ Царь въ главѣ усовершенствованія; это мы признаемъ и что-жъ читаемъ въ русской заграничной печати Г. Герцена, Долгорукова и др.: все одно низкое поруганіе того, кому вся Россія признательна.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Глава IV.

Чего опасались, то свершилось и что надѣялись устранить, то рушилось надъ нашими главами: лондонская школа дошла до эпохи пожаровъ, каѳедра Герцена прославилась и перейдетъ къ потомству конечно на справедливый судъ! Вы скажете Александръ Ивановичъ: „такъ далеко я не хотѣлъ зайти;“ или: „я желалъ только смерти Царю, его семейству, всему дворянству, всѣмъ чиновникамъ, конечно кромѣ себя и своихъ дѣтей“ или наконецъ вы съ торжествомъ скажете: „наша взяла!“ Но виноватъ; есть еще изворотъ: постыдное дѣйствіе поджигателей, стремящихся чрезъ пожары опрокинуть существующій государственный порядокъ, возстановить нисшій классъ народа противъ правительства и зажиточныхъ, я за хорошее дѣло признать не могу, а потому проливаю слезы, что въ полдня времени 15000 бѣднаго народа окончательно разорено, на 20 милліоновъ товара и имущества погибло и. т. п. „Да вамъ и нельзя

для вашей личной пользы иначе выразиться, ибо ненависть къ вамъ, за ваши возмутительныя дѣйствія, достигла крайнихъ предѣловъ.

Теорія вашихъ дѣйствій была ожесточить народъ противъ Царя; и чтоже вы достигли? Жаль, что вы не могли быть свидѣтелемъ — съ какой любовью и преданностью народъ, добрый русскій народъ, котораго вы годами старались развратить топорнымъ вашимъ направленіемъ, этотъ народъ на колѣнахъ передъ Царемъ, когда Онъ поспѣшилъ на мѣсто бѣдствія, благодарилъ Его за участіе со слезами, и единодушнымъ „ура! привѣтствовалъ Его, какъ знàкомъ своей безпредѣльной преданности къ Тому Который ему даровалъ свободу и милость; но тотъ же народъ кричалъ: „Накажи Царь злодѣевъ, безпощадно накажи, защити насъ отъ нихъ; будь строже!“ А вы, Александръ Ивановичъ, мечтали что народъ тутъ-то и подыметъ топоры. Нѣтъ, не бывать по вашему и пусть же васъ грызетъ отчаяніе, и совѣсть ваша пусть переговоритъ съ вами при видѣ плодовъ вашего руганія. Вотъ послѣдствія увлеченія тѣхъ неопытныхъ пылкихъ людей, которые вѣрили вашимъ возмутительнымъ рѣчамъ, какъ средству достиженія благой цѣли!

Не мечтаете ли вы быть сѣвернымъ Гарибальди? Но тогда обратите ваше вниманіе на дѣйствія сего испытаннаго патріота; конечно Гарибальди пожелалъ бы Папѣ всего лучшаго: чтобы онъ отдалъ Италію и Римъ и отказался отъ свѣтской власти; но позволилъ ли себѣ Гарибальди хоть разъ употребить поруганіе на Папу? Нѣтъ, онъ по своимъ убѣжденіямъ доказывалъ невозможность существующаго порядка и жертвовалъ собою, но не позволялъ себѣ ничего неприличнаго и всегда

сожалѣлъ что, народъ въ нисшихъ слояхъ, позволялъ себѣ это; и самъ, будучи изъ народа, Гарибальди умѣлъ остаться всегда джентельменомъ.

Дѣятели ваши теперь разбѣжались; они знаютъ чего имъ ожидать отъ разореннаго народа; но судъ правильный разберетъ ихъ дѣла и конечно воздастъ достойное виновнымъ. Много будетъ жертвъ, но будьте покойны, Александръ Ивановичъ, за вашимъ крѣпкимъ угломъ, ваше мѣсто на сей разъ даетъ вамъ возможность съ улыбкою смотрѣть на гибель безпримѣрно-разореннаго народа, во имя котораго вы полагаете благоденствовать. Надо покрайней мѣрѣ сознаться, что это поражающее бѣдствіе вдругъ насъ уразумило: такъ вотъ что они хотятъ; вотъ куда они насъ повели, вотъ тотъ крюкъ, о которомъ Костомаровъ упоминалъ, говоря о человѣкѣ — освободителѣ русскаго народа — Стенькѣ Разинѣ! Отбросимъ лучше всякое заблужденіе и скорѣе падемъ къ стопамъ Царя-Отца своего народа, который неутомимо борется съ тысячами препятствій для достиженія истиннаго блага отечеству!

Александръ Ивановичъ, мы не отвергаемъ гласность и признаемъ пользу свободной печати, но нельзя же согласиться на мѣры въ той степени, чтобъ они волновали людей шаткихъ умомъ и довели до того, что вы здѣсь надѣлали: что пролито слезъ народныхъ, семейныхъ, общественныхъ; сколько бѣдствій вышло отъ вашихъ ученій, съ вашимъ краснорѣчивымъ, но ядовитымъ словомъ; вы конечно убили науку, ибо вы лишили молодыхъ людей спокойствія, необходимаго для умственной работы, не испытавъ сами тѣхъ бѣдствій, съ которыми мы столь практически ознакомливаемся чрезъ ваши дѣйствія, и которые наконецъ формируютъ ваше убѣжденіе! Къ

сожалѣнію наша молодежъ, увлеченная чтеніемъ вашихъ распаляющихъ воображеніе статей, приняла ихъ за истину, за возможное и дѣйствуетъ безсознательно, слѣпо слѣдуя вашему убѣжденію. Грустна будетъ минута ихъ пробужденія, многіе уже пробудились и не воздадутъ вамъ русскаго спасибо.

Нельзя не сожалѣть душевно, что вы на столь злобныя замыслы принесли въ жертву ваши блестящія дарованія, познанія и ваше остроумное перо; еслибъ ваши мысли не заходили за предѣлы возможнаго, вы могли принести пользу нашему дорогому отечеству; но вы постоянно желчны, спокойствіе васъ покидаетъ и вы увлекаетесь бранью на кого же? На Того, чье имя милліоны благословляютъ, Кто даже вамъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла, а сдѣлалъ добро; Который сталъ въ главѣ народа, напутствуя его къ лучшему и предъ дѣйствіями котораго народъ благоговѣетъ и всѣми своими силами ихъ поддерживаетъ.

Вы полагаете такую борьбу легче нежели она есть; но вспомните, что во всѣ времена привычки, преобладающія надъ людьми, не вдругъ оставлялись, многія изъ нихъ не только не умѣстныя, но даже сознательно вредныя, не искоренялись однимъ разомъ. Возьмемъ въ примѣръ мѣстничество. Въ свое время оно казалось необходимымъ и проявлялось во всемъ; времена перемѣнились и оно оказалось сначала излишне, а потомъ положительно вредно и правительство старалось его отмѣнить; сначала по привычкѣ держались за него крѣпко, а потомъ хотя сожгли книги разрядныя, но мысль о мѣстничествѣ не могла вдругъ изчезнуть, и теперь, когда казалось не должно бы остаться и слѣда о мѣстничествѣ, оно все же существуетъ и проглядываетъ робко,

ибо глубоко вросло въ русскую жизнь. Много есть и другихъ закоренѣлыхъ привычекъ, и неужели требовать, чтобы при всемъ дѣятельномъ стремленіи Государя къ улучшенію все двинулось вдругъ безъ борьбы со старымъ, съ вѣковыми привычками, которыя не позволяютъ многимъ провидѣть вдаль благую сторону государственныхъ прогрессивныхъ предпріятій?

Справедливо ли теперь ваше нетерпѣливое слово въ медленности движенія Россіи на пути къ улучшенію, противурѣчащее голосу всей Россіи? Все это ясно, что вы именно потому и раздражаетесь, что видите наше отечество болѣе въ лучшемъ видѣ, нежели бы вамъ хотѣлось.

Есть еще характерическая черта русская, доказывающая — сколь трудно для насъ забыть нашу старину: можетъ быть, никогда болѣе какъ нынѣ не былъ слышенъ ропотъ объ отсутствіи всякой справедливости, о не уваженіи къ закону, о протекціи и т. п. Но, прослѣдивъ жизнь и направленіе каждаго русскаго, а особенно тѣхъ, которые наиболѣе ропщутъ, замѣтимъ, что они-то именно и не подчиняются никакому закону; что они, проповѣдуя общую справедливость, желаютъ себѣ изъятія, что негодуя на покровительство другимъ, сами ищутъ себѣ протекціи. Дѣйствительность не такъ легка какъ желаніе и надо ждать, чтобы племена перерождались временемъ и мало по малу передѣлывались.

Все это однакожъ не удерживаетъ Государя въ Его благихъ предначертаніяхъ, и онъ твердо идетъ впередъ, и благо народа у него и день и ночь въ душѣ. Вотъ вновь обнародованъ Указъ о соли; Царь предоставляетъ эту привиллегію въ пользу народа, и соль отнынѣ будетъ продаваться безъ прежней пошлины, по настоящей

стоимости. Нужно знать затруднительность иногда бѣднаго класса въ деньгахъ, чтобъ понять, что имѣя дома прочіе продукты, ему затруднительно бывало, при прежнихъ цѣнахъ, покупать на деньги соль, и потому солью народъ всегда дорожилъ.

Къ безпрерывной заботѣ о благѣ своего народа, отеческое сердце Государя должно было испытать нынѣ тягостнѣйшій ударъ, при видѣ новыхъ бѣдствій не отъ внѣшняго врага, не отъ неурожая или болѣзни, но отъ злодѣянія, превышающаго всякое вѣроятіе, стремящагося къ своей цѣли разореніемъ бѣднаго класса людей въ надеждѣ возвысить себя, захватить бразды правленія; видѣть и надѣяться что въ главѣ ихъ будетъ стоять г. Герценъ. Читайте всѣ возможные журналы заграничные, и вы сами удивитесь, какъ отзываются повсюду о вашихъ дѣйствіяхъ; какъ всѣ согласны, что всѣ эти жертвы есть плоды необузданныхъ стремленій г. Герцена; что онъ ихъ губитъ для своего тщеславія и своихъ выгодъ, и какъ заманчиво онъ ихъ соблазняетъ, ставя себя какою-то двигающею силою: онъ пишетъ, что ему шлютъ деньги на какія то цѣли, на передачу какимъ то лицамъ: все это слова, прекрасно выраженныя по англійски: пуфъ!

Деньги шлютъ на помощь разоренному народу, Царь въ главѣ всѣхъ дѣлаетъ, что возможно; а слѣдуя его примѣру вѣрные русскіе не остаются позади. Если бы эти заграничные дѣятели видѣли моментъ посѣщенія Императрицею новаго рынка на Семеновскомъ плацѣ, то задумались бы надъ степенью обоюдной привязанности Царствующаго Дома и народа. Торгующій классъ приносилъ товаръ, который она, желая имъ помочь, хотѣла купить, но они денегъ не брали и много Ей стоило

труда, чтобъ они приняли эту помощь. Еслибъ вамъ, Александръ Ивановичъ, случилось быть зрителемъ всего этого, то одного такого случая достаточно, чтобъ замолкнуть навсегда вашему дерзновенному перу, и какъ велика должна бы быть ваша обманчивость надеждъ вашихъ на возмущеніе русскаго народа!

Не только въ бо́льшей части иностранныхъ газетъ, но и сами русскіе не могли не выразить своего полнаго негодованія и презрѣнія къ дѣйствіямъ заграничныхъ дѣятелей подъ фирмою: „для блага русскаго народа“. Газеты заграничныя, которыя мы могли досихъ поръ прочесть, выражающія негодованіе ихъ къ этой фирмѣ, суть:

Аугсбургская газета N$_o$. 21, 65.
Всеобщая прусская газета 13 Января N°. 52, 101.
Шпенерская N°. 8, 38, 45, 60, 106, 147, 148.
Крестовая газета N°. 53, 58, 101.
Вѣнская газета N°. 19.
Новая Гановерская газета N$_o$. 3, 5, 7.
Сѣверно-Германская Корреспонденція N°. 192.
Берлинскіе военные листки N°. 7.
Берлинское обозрѣніе N°. 2, 3, Іюля.

Не возможно слѣдить одному за всѣми иностранными газетами, но всякій почти ежедневно узнаётъ о новыхъ статьяхъ, противуборствующихъ направленію Герцена и появляющихся въ печати съ тѣхъ поръ, какъ Германіи, Франціи и Англіи сдѣлалось извѣстно точное содержаніе отзывовъ его о Россіи и о Царствующемъ Домѣ. Но г. Герценъ вѣроятно и здѣсь не затруднится сказать, что всѣ онѣ подкуплены.

Русскіе журналы тоже не могли болѣе молчать и высказали свою оппозицію къ направленію сочиненій Герцена, но по мнѣнію его и Сѣверная Пчела, вѣроятно,

тоже подкуплена, мы же знаемъ, что эта газета имѣетъ самостоятельное мнѣніе и на брань Герцена смотрѣть не станетъ. Она говоритъ: мы пишемъ во имя закона, мы не боимся навлечь на себя гнѣвъ Государя, слезы котораго, при бѣдствіи 28го Мая, русскій народъ никогда не забудетъ. Пусть на насъ сѣтуютъ другіе — намъ до этого дѣла нѣтъ, для насъ лишь Государь, законъ и народъ. Скажутъ, что надо успокоивать, а не возбуждать народъ къ неудовольствію, мы только этого и желаемъ и кто изъ благомыслящихъ людей не желаетъ того же? Возбужденіе народа къ неудовольствіямъ могутъ желать только люди, подобные безумцамъ, занимающимся распространеніемъ послѣдней прокламаціи, которые, по своему неразумію, думаютъ передѣлать Россію, сообразно своимъ химерическимъ мудрованіямъ, которымъ русской народъ никогда не можетъ сочувствовать, потому что онъ обладаетъ здравымъ смысломъ и знаетъ свои нужды и потребности лучше умниковъ, занимающихся вредной литературой. Можетъ ли кто оспорить и отвергать, что поджоги не были въ связи съ прокламаціями и что оба эти богопротивныя дѣйствія не получили свое начало, не уложились въ юныхъ и не опытныхъ и далеко еще не образованныхъ головахъ отъ красныхъ — адскаго слова вывезеннаго изъ Лондона.

Исторія намъ указываетъ сколь много уже зла содѣлали на свѣтѣ такъ называемые красные во имя свободы; еще Стенька Разинъ говорилъ: „хочу на Руси установить Козацкую волю, хочу чтобы всякому былъ равенъ“.

Какъ мало г. Герценъ самъ вѣритъ въ возможность осуществить то, что онъ проповѣдуетъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: когда онъ еще въ 1847 году былъ въ

Россіи, то прослышавъ, что во Франціи готовится государственный переворотъ, и что фонды падаютъ, онъ поспѣшилъ туда и перевелъ свой капиталъ, дождался когда государственные Французскіе фонды пали до 56ⁿ, тогда онъ ихъ скупилъ не на малую сумму. Расчетъ былъ вѣренъ: безпорядокъ не можетъ быть вѣченъ; явится новая сила, востановитъ вновь порядокъ, фонды непременно возстановятъ и, какъ умный человѣкъ, г. Герценъ разсчиталъ все навѣрное. Явился Наполеонъ, Французы вступили въ порядокъ, фонды поднялись до 96 и тогда Герценъ, купленные вновь продалъ. Не этого ли онъ добивается и въ Россіи и сталъ ревностно стараться все перевернуть?

Да, Александръ Ивановичъ, ума-то въ васъ много, но Россію вы давно покинули и теперь ее не знаете; вы ее себѣ представляете по своему воображенію; на самомъ же дѣлѣ нѣтъ части, которая бы у насъ не улучшилась. Вашъ конекъ — Графъ Панинъ; вы желаете доказать, что онъ никуда не годится и потому называете его трехъ-полѣннымъ. Не ужели вы точно полагаете этимъ путемъ доказать, что человѣкъ не хорошъ, потому что онъ высокъ ростомъ, тогда какъ сами вы толсты? Печать ваша васъ переживетъ, а вы не безъ притязанія на имя въ будущности. Юстиція не есть дѣло дня, она всегда шла разумнымъ шагомъ, и не бѣжала какъ вы бѣжите съ вашимъ перомъ. Въ Россіи всѣ знаютъ, что Юстиція сдѣлала уже большое усовершенствованіе; но ежели и есть не довольные, то пусть сами попробуютъ быть судьею: при самомъ справедливомъ разборѣ дѣла, вы, конечно, отдадите справедливость которой либо изъ двухъ сторонъ; но тотъ, кто проиграетъ дѣло, всегда, кто бы его ни рѣшилъ, скажетъ: въ Россіи нѣтъ

справедливости; я потерялъ дѣло, а былъ правъ! Россію въ юридическомъ дѣлѣ нельзя еще сравнивать съ другими Государствами. Одно изъ главныхъ золъ у насъ — это медленность хода дѣлъ и процессовъ, частію происходящая отъ старыхъ формъ, частію отъ дальняго разстоянія, по обширности нашего государства, присутственныхъ мѣстъ и наконецъ по неудобству сообщенія: нужно время, чтобъ все исправлялось по немногу.

Наша Россія велика, но народонаселеніе ея столь мало, сравнительно обширности земель, что нѣтъ силъ устроить все вдругъ, да еще и скоро. Верхній классъ народа, т. е. люди болѣе образованные, ознакомившись съ Европейскимъ состояніемъ старѣйшихъ державъ, требуетъ того же для Россіи; но сколько ни стремились чтобъ скорѣе всё устроить вдругъ, дѣло не шло; теперь же, когда приступили къ постепенному, обдуманному введенію нѣкоторыхъ улучшеній, такъ видны на дѣлѣ уже слѣды успѣха: уже извѣстно, что новое Гражданское Судопроизводство, равно и уголовное, пересмотрѣно и скоро будетъ обнародовано; но и за тѣмъ пройдетъ много времени прежде, чѣмъ оно введется вполнѣ; а между тѣмъ недовольные не перестанутъ роптать, а вы, Александръ Ивановичъ, по привычкѣ будете ихъ подстрекать къ тому.

Для новаго порядка, конечно, потребны будутъ новые люди, новыя силы, и мы уже видимъ, что въ постоянныхъ заботахъ нашего Государя этотъ предметъ составляетъ его попеченіе, и какъ уже мало по малу самъ онъ и преданные ему вѣрноподданные находятъ въ средѣ своей такихъ истинныхъ слугъ любимому своему Царю и общей цѣли ихъ — своему дорогому отечеству, не заимствуясь ученіями и Г. г. Герцена или Долгорукова, же-

лающихъ бранью и поруганіемъ всего достойнаго, въ видахъ ложной любви къ русскому народу, провести настоящую свою цѣль: быть для всѣхъ авторитетомъ всеоблемлющимъ, все-знающимъ, главное—придать своимъ журналамъ болѣе жизни, болѣе того товара, который пока еще наиболѣе требуютъ, то есть руганія и чрезъ это увеличить распродажу своихъ журналовъ; нѣтъ, Александръ Ивановичъ, вамъ не уронить ни въ чьихъ глазахъ достоинства нашихъ дѣятелей: Князя Горчакова, Милютина, Валуева, Головнина, и многихъ другихъ, по указанію Царя, вмѣстѣ съ Нимъ стремящихся къ благоденствію нашего роднаго Царства, Любезной Россіи нашей!

ГЛАВА V.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Глава V.

Въ виду своей цѣли Лондонская пропаганда не останавливается никакими средствами, рѣшившись во чтобы-то ни стало ниспровергнуть по всюду существующій порядокъ въ надеждѣ личнаго возвышенія; она порабощаетъ умы своему вліянію, систематически ругаетъ всѣхъ безъ доказательствъ, бранитъ Царя, вызываетъ народъ къ бунту, соблазняетъ солдатъ къ измѣнѣ, возбуждаетъ мужиковъ къ грабежу и топору, наконецъ подстрекаетъ къ пожару и убійству. Всѣ эти наставленія мы пережили и привыкли уже слышать, что всё это дѣлается во имя любви къ Россіи и для пользы народа. Г. Герценъ сидитъ покойно у англійскаго окна и видя зарево петербургскихъ пожаровъ, наивно спрашиваетъ въ №. 137 колокола: „а что довело людей до этого средства и кто эти люди?“ Виноватъ, Александръ Ивановичъ, но трудно не видѣть въ этихъ словахъ весьма

пеловкую шутку: сперва все возмутить, а потомъ спрашивать: да кто же возмутилъ?

Весьма натурально, что Г. Герценъ и самъ сильно былъ встревоженъ и конечно теперь мысль его: что̀ изъ этого выйдетъ и не призовутъ ли его въ Петербургъ управлять народомъ? Справедливость ему можно отдать только въ томъ, что онъ мастеръ владѣть собою, когда это нужно и вотъ является №. 138 колокола, гдѣ ни слова о всѣхъ бывшихъ пожарахъ, а вмѣсто того статья: *концы и начала*, нѣчто въ родѣ tutti-frutti, переборъ всѣхъ возможныхъ словъ и мыслей и конецъ тотъ, что нынѣ все жертвуютъ въ пользу мѣщанства: статья утомительная, ein Lied ohne Worte. Такое искуственное, не естественное молчаніе никого не разувѣритъ, чтобы компата его не была полна петербургскимъ дымомъ и чтобы онъ въ ней не страдалъ. Будьте, Александръ Ивановичъ, откровенны, отворите ваше окно, дайте дыму выйти, откройте ваши мысли: сознайтесь теперь, что цѣль ваша достигнута, а тамъ что будетъ, то будетъ! Впрочемъ, вы не могли скрыть вашего волненія и въ томъ же №. 137, въ статьѣ *смѣсь,* вы отвели свою душу.

Вы безъ всякаго права нещадно старались обидѣть московскихъ сенаторовъ, которыхъ лично вы не знаете и дѣйствія коихъ недоступны вашему сужденію, по удаленію вашему изъ Россіи; и такъ, не зная дѣла, вы изъ за-угла позволили себѣ неприличный поступокъ. Современная лѣтопись русскаго вѣстника, №. 20, достаточно объяснила недобросовѣстность вашего поступка; вы внѣ себя, въ иступленіи, сами того не замѣчая, высказали вашъ настоящій образъ мыслей, ибо вы разсердились, какъ еще небывало. Лишь только подняли одинъ уголокъ

вашего англійскаго одѣяла, которымъ вы прикрыты, лишь только обнажили малую часть истины, и вы уже неистово возстали: что-же будетъ, когда ваше покрывало сдернутъ совсѣмъ? Не увидимъ ли мы звѣря, который обороняется *вонью?* Извините за выраженіе, — оно ваше.

Далѣе ни съ-того, ни съ-сего вы объясняете, что животное царство не имѣетъ третьяго отдѣленія. Это Третье Отдѣленіе видно васъ очень безпокоитъ и на яву и во снѣ. Вы все еще вѣрите, что оно хочетъ васъ убить и разсердились, что надъ вами за это посмѣялись. Вы предлагаете убѣдиться, что васъ точно хотѣли убить и говорите, что можете указать путь, по которому вы получили о томъ извѣщеніе, и что даже лицо, въ высокомъ нравственномъ достоинствѣ котораго вы не сомнѣваетесь, можетъ намъ сказать — была ли эта шутка или нѣтъ; и за тѣмъ вы кончаете словомъ: *хотите?*

Александръ Ивановичъ! что будетъ хорошаго, ежели мы скажемъ: *хотимъ?* Вы не можете назвать это лицо: во первыхъ, вы его не знаете, потому что все это дѣло есть дѣло вашего воображенія, сонъ не покойной ночи; вовторыхъ, ежели бы предположить, что точно кто бы то ни было и сообщилъ вамъ о такомъ намѣреніи, то это есть только доказательство вѣрности извѣщенія, но не самаго намѣренія: ибо при дѣйствительности подобныхъ плановъ нѣтъ никакой нужды предварять о томъ или сообщать кому бы то нибыло; наконецъ въ третьихъ, допустимъ, что это нравственное лицо какимъ бы то нибыло путемъ провѣдало о предположеніи васъ убить и сообщило вамъ о томъ, но можете ли вы выдать его имя? Отвѣчайте сами себѣ.

Но позвольте въ заключеніе сего трогательнаго намѣренія объ убійствѣ замѣтить: вы сказали, что получили анонимное письмо о томъ при свидѣтеляхъ, а теперь говорите, что можете даже назвать то лицо, которое вамъ о томъ и сообщило?

Обратимся опять къ статьѣ 137 номера:

Вы находите въ современной лѣтописи отсутствіе того такта, того декорума, того нравственнаго чутья, при которыхъ человѣкъ никогда не берется за нѣкоторое оружіе. Сколько самонадѣянности выказываете вы въ себѣ, ибо осталось ли оружіе, за которое бы вы сами не брались, въ дѣлахъ, которыхъ вы не знали и не вѣдали? Вы говорите, что сенаторы избалованы и привыкли считать себя неприкосновенными, (вы не можете удержаться отъ тривіальныхъ выраженій и для краснаго словца, не жалѣя ни матери, ни отца, вы прибавляете — *статсъ-дамами общественнаго мнѣнія;* прилично ли подобное изрѣченіе, говоря о сенаторахъ: (вспомните, вѣдь и вашъ отецъ былъ сенаторъ) что они потеряли сознаніе о добрѣ и злѣ, что разразили тупо свой гнѣвъ на васъ, что изъ полицейской лужи брали каменья и каменья эти пàдали на нихъ обратно. Взгляните, Александръ Ивановичъ, въ это зеркало — не увидите ли своего фотографическаго портрета. Вы говорите, что упрекъ, вамъ сдѣланный, васъ не оскорбилъ; но въ этомъ никого не убѣдите: вы — сильно оскорбились, ибо жили до сего времени неприкосновенно и вамъ никто не сказалъ публично, что вы не правы, а потому это первое противъ васъ движеніе на васъ сильно дѣйствуетъ. Вы зажили до того безотчетно, что называете сенаторовъ будто у нихъ руки грязны: имѣете ли право это говорить и чѣмъ это докажете?

Присутствіе Сената составлено изъ лицъ, которыхъ жизнь предшествовавшая намъ давно знакома; многіе изъ нихъ, можетъ быть, не имѣютъ глубокихъ научныхъ юридическихъ познаній, но знаніе дѣлъ имъ не чуждо и честность правилъ ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Ни одинъ изъ нихъ не игралъ государственными фондами на вѣрняка! Вамъ судить можно о вашихъ рукахъ, а запятнать цѣлую корпорацію — дерзко.

Ежели Современная лѣтопись упоминаетъ о свободныхъ артистахъ, то воленъ кто хочетъ подразумѣвать себя подъ этимъ именемъ; но случается, что наша пословица оправдывается: „знаетъ кошка чье мясо съѣла“! Стало быть вы сами себя признали свободнымъ артистомъ!

Потомъ опять наивно вы спрашиваете: „кого и когда наши совѣты погубили, кого свели въ казематъ и Сибирь? Не Михайлова ли?“ Да, Михайлова и многихъ другихъ и теперь, ясно почему въ 138 №. колокола вы замолчали; на вашей совѣсти лежитъ новая погибель лицъ, которыя къ вамъ стояли близко и вы сами испугались того, что надѣлали!

Вы упрекаете всякаго, кто выскажетъ хотя единое слово противъ вашихъ несправедливыхъ обвиненій и, гоняясь за фразой, говорите, что прежде нежели васъ судить, надо дать улечься дурнымъ сокамъ, поднимающимся съ кровью въ нашихъ головахъ! Понятно, что справедливый упрекъ вамъ непонравился, особенно когда онъ достигъ до непроницаемой защиты вашей, за спиною лондонскаго полисмена; да развѣ это неправда? Вы долго расчитывали на безотвѣтное ваше право въ печати и были покойны тѣмъ, что ни свободное слово и ни какой процессъ не возможны противъ васъ въ Англіи. Англичанамъ не понятны ваши дѣйствія, но ваше оружіе не противъ ея и направлено: оно все разрушаетъ

въ Россіи, подъ видомъ служенія своему Отечеству. Ваше слово не есть свободное слово, а слово неправды и злобы, безъ которыхъ вы конечно могли бы быть полезны вашимъ авторскимъ талантомъ.

Вы тоже весьма наивно говорите: зачѣмъ вамъ не указывали, что вы ошибались, что вы сбивались съ пути. Вспомните, Александръ Ивановичъ, сколько разъ вамъ присылали возраженія, оправданія и т. п., и чѣмъ же вы на все это отвѣчали? Не желаніемъ объясняться, небрежностію или молчаніемъ. Наконецъ, всего замѣчательнѣе, что вы кажется не давая себѣ отчета въ томъ, что говорите, придрались къ опечаткѣ слова — *математика!* Съ своей стороны прибавимъ, что въ этой же статьѣ есть и у васъ опечатка: въ 8й строкѣ сверху вмѣсто *посмотришь,* напечатано — *посмотрить.* Неужели все это предметы для обвиненія и поруганія?

Еще одно слово о No. 138. Тамъ напечатано объявленіе Долгорукова; что жъ это? Для пополненія листковъ? Долгоруковъ поссорился съ Г. Герардомъ за то, что онъ не нашелъ возможнымъ напечатать одну его статью и за это лишаетъ его права печатать журналъ — „Правдивый.“ Но было иначе: Г. Герардъ не пожелалъ быть слѣпымъ орудіемъ грязныхъ дѣйствій Долгорукова, подобно Франку въ Парижѣ и сказалъ, что прежде чѣмъ печатать, онъ будетъ пересматривать статьи и исключать всѣ грязныя выраженія. Не ужели Г. Герарду не осталось права отказаться по такому поводу, и не ужели контрактъ его обязывалъ печатать всё безъ исключенія — противъ Бога, противъ религіи, противъ справедливости, противъ святости семейной жизни, словомъ все, что авторъ пожелаетъ? Долгоруковъ не выѣхалъ добровольно изъ Парижа, а нравственно изгнанъ

оттуда: ему всѣ заперли свои двери и даже снисходительный книгопечатникъ Франкъ обратился къ нему спиною. Наконецъ даже изъ клуба, гдѣ онъ былъ членомъ, ему сообщили, что ежели онъ самъ въ 24 часа не пришлетъ прошенія объ увольненіи, то будетъ общею баллотировкою исключенъ; конечно ему ничего не оставалось, какъ прислать обратно свой билетъ. И такъ увидя, что всюду доступъ ему закрытъ, онъ переѣхалъ въ Брюссель, надѣясь, что тамъ никто не знаетъ его поступка, всѣ примутъ его въ свои объятія: плохой расчетъ на понятія бельгійцевъ о благородствѣ! Рекомендуемъ ему новую квартиру въ Тунисѣ: тамъ о процессѣ Воронцова и Долгорукова никто ничего не знаетъ и потому тамъ ему весьма удобно и называть себя княземъ.

Какая жалкая картина представляется намъ въ минуту столь важную и высокую, когда въ Россіи все приняло столь благородное и серьезное направленіе! Нельзя не сожалѣть глубоко, что горсть криводѣйствующихъ людей, могли чрезъ тайныя происки нанести уже нашему дорогому Отечеству столь много вреда. Но, слава Богу, разумные люди сомкнулись около Трона и поняли — сколь необходимо единодушіе и общее содѣйствіе для общаго блага, и что пора настала высказать, что всѣ мы далеки отъ понятій и дѣйствій заграничныхъ дѣятелей!

Трудно остаться равнодушнымъ и спокойно видѣть какими людьми наполняется фаланга нашихъ преобразователей, какъ напр. на дняхъ явившаяся новая личность: *Мартьяновъ* и съ нимъ вновь возникшая литература: „письма къ Императору Александру II.“ Личность автора слѣдующая: сынъ крестьянина съ береговъ Волги, отецъ его управлялъ имѣніемъ графа Гурьева и слылъ

за хорошаго человѣка и сынъ его никогда въ точномъ смыслѣ крестьянскую жизнь не зналъ, какъ сынъ управляющаго; кромѣ обыкновенной школы, особеннаго воспитанія не получилъ, но всегда замѣтно въ немъ было много природнаго ума, чѣмъ онъ тщеславился, говорилъ весьма хорошо, бойко и былъ ловокъ въ торговлѣ. Отецъ прямымъ, хорошимъ путемъ пріобрѣлъ себѣ нѣкоторое состояніе; но не ново въ Россіи, что подобнымъ сынкамъ состояніе отцевъ часто служитъ во вредъ, быстро они его проматываютъ, какъ конечно поступилъ и Петръ Мартьяновъ. Сначала отецъ занималъ его по торговлѣ и одинъ богатый купецъ, полагая найти въ немъ точно даровитаго человѣка по коммерціи, постарался опредѣлить его агентомъ по сей части въ торговомъ управленіи, но черезъ полгода, онъ ознаменовалъ себя утратой суммъ и былъ оттуда уволенъ. За симъ поступилъ онъ въ Общество „Кавказъ и Меркурій,“ въ короткое время выказалъ тоже самое и вновь былъ удаленъ. Видя свое положеніе въ Россіи испорченнымъ, онъ удалился за границу и присоединился къ компаніи преобразователей Россіи; теперь занимается письмами къ Русскому Царю съ наставленіемъ ему уроковъ какъ слѣдуетъ управлять Царствомъ!

Нельзя не удивляться — до какихъ странныхъ дѣлъ доводитъ иногда заблужденіе ума человѣческаго: довольно было до сихъ поръ печатано писемъ изъ Петербурга, *отъ такого-то къ тому-то, отъ офицеровъ, отъ студентовъ, отъ неизвѣстныхъ,* и казалось, подъ этой формой можно дать достаточно воли своему воображенію, подобно Кюстину, который, желая высказать свои мысли, прибѣгалъ обыкновенно къ выраженію: *говорятъ, on dit.* Такъ этого мало, нужно было еще начать пи-

сать письма къ Царю и отъ кого же? Отъ подобныхъ Мартьянову! Не стоило бы конечно и упоминать объ этомъ, ежели не было бы напечатано письма его къ Русскому Царю въ колоколѣ.

Радостно и утѣшительно видѣть постоянную заботу нашего Императора о благѣ Россіи, при содѣйствіи достойныхъ помощниковъ, съ которыми онъ твердо идетъ на пути успѣха и, помимо этихъ дѣятелей, не нужно нашему Государству тѣхъ не призванныхъ преобразователей, которые навязываютъ намъ свои зловредные совѣты или свои шаткіе взгляды, отставъ давно отъ Россіи.

Прочные совѣты къ Царю идутъ у насъ отъ самихъ Министровъ: такъ на дняхъ вновь воспослѣдовало Высочайшее утвержденіе на представленіе Г. Министра Финансовъ Рейтерна, о дозволеніи опредѣлять людей безъ чина въ должности бухгалтеровъ, контролеровъ и т. п. Важный шагъ въ нашей служебной іерархіи и такъ какъ подобная мѣра уже не первая, то всякому свѣтлому уму понятно будетъ, что этимъ путемъ, своими родными, отечественными силами, Отечество наше надежно пойдетъ впередъ, безъ непрошенной помощи чуждыхъ своей родинѣ соотечественниковъ! —

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Глава VI.

Предъ нами три книги:

1) Lettres à M. Herzen par Schédo-Ferroti, 1861.

2) Письмо А. И. Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ, съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями Д. К. Шедо-Ферроти, 1862.

3) Свободное слово — русскій, политическій органъ, издаваемый подъ редакціей Л. П. Блюммера.

Всѣ три относятся къ одному и тому же предмету — направленію литературныхъ трудовъ г. Герцена. Имя перваго автора пріобрѣло уже извѣстность въ кругу образованной публики тѣмъ, что касаясь въ своихъ сочиненіяхъ политическаго состоянія Россіи, г. Шедо-Ферроти заявилъ свое направленіе прямое и свободное, руководимый желаніемъ чистой истины и преисполненный непритворнымъ чувствомъ любви къ своему отечеству. Его нельзя упрекнуть въ односторонности взгляда на дѣла и вещи; напротивъ, въ своихъ „Études sur l'avenir de la Russie,“ отдавая полную справедливость хорошимъ элементамъ русской жизни, онъ замѣчаетъ недос-

татки и злоупотребленія, встрѣчающіеся по многимъ частямъ нашего государственнаго управленія; не останавливаясь на томъ указываетъ на средства улучшенія и даетъ совѣты, большинствомъ благомыслящей публики признаваемые полезными. Рѣчь его пряма и свободна до того, что даже сочиненія подъ его именемъ, къ общему сожалѣнію, запрещены для ввоза въ Россію, что однакожъ не удерживаетъ его отъ предпринятыхъ имъ изданій. Можно было по сему надѣяться что г. Герценъ, сочувствующій по крайней-мѣрѣ изданіямъ, запрещеннымъ въ Россіи, приметъ совѣты отъ безпристрастнаго писателя; но онъ съ появленія этихъ изданій, кажется, удвоилъ еще свое негодованіе ко всему русскому и усилилъ свои поруганія надъ всѣмъ, что у насъ имѣетъ видъ законности, что идетъ разумнымъ путемъ къ улучшенію, какъ будто опасаясь, чтобъ предпринятый прогрессъ нашего Правительства не сокрушилъ завѣтной его мечты о революціи и сокрушеніи всякаго порядка.

Зная, что популярность его чрезъ острое перо и брань пріобрѣтается имъ въ глазахъ тѣхъ, кому это нравится и до кого оно не касается, г. Герценъ продолжаетъ съ большею яростію, изъ-за-угла, дѣйствовать такимъ единственнымъ своимъ орудіемъ и дошелъ до извѣстнаго письма своего къ русскому послу въ Лондонѣ (второе сочиненіе, обозначенное выше). Содержаніе этого письма уже не новость: оно выражаетъ опасеніе г. Герцена быть убитымъ чрезъ III^е Отдѣленіе собственной канцеляріи Его Величества, называя предполагаемыхъ имъ убійцъ „Брутами и Кассіями“ и тѣмъ самымъ сравнивая себя ни болѣе, ни менѣе какъ съ „Юліемъ Кесаремъ.“ Нѣтъ надобности о содержаніи этого письма распространяться, но краткій перечень теперь будетъ необходимъ для послѣдовательности дѣла.

Г. Шедо-Ферроти, самъ писатель о Россіи, нелицепріятный судія ея, горячо любящій ее и желающій ей добра, не могъ не испытать той глубокой скорби, которая доступна каждому

благородному русскому при оскорбленіи чести посла-представителя своего народа. Замѣчая, что какъ „самый тонъ, такъ и содержаніе письма г. Герцена ставили нашего посла въ совершенную невозможность отвѣчать на него и входить въ полемику несовмѣстную съ его достиинствомъ,“ г. Шедо-Ферроти, какъ писатель любящій сказать правду, не хотѣлъ оставить дѣла такъ, какъ оно представлено публикѣ г. Герценомъ и написалъ ему письмо, высказавъ въ благородныхъ и скромныхъ выраженіяхъ всю несбыточность опасеній г. Герцена и несовмѣстностъ его письма и просилъ его, замѣчаніе это напечатать въ „Колоколѣ.“

Просить о томъ г. Шедо-Ферроти имѣлъ полное право, какъ каждый писатель, но и г. Герценъ имѣлъ тоже право отказать въ этой просьбѣ, что онъ и поспѣшилъ сдѣлать, оговорившись, что не намѣренъ *наказывать себя своею рукою;* и это правда, ибо письмо слишкомъ правдиво!

Тогда г. Шедо-Ферроти неоставалось ничего болѣе какъ „общій путь гласности“ указанный г. Герценомъ, т. е. самому напечатать письмо, что онъ и исполнилъ, издавъ его также, какъ и г. Герценъ свое, на двухъ языкахъ — русскомъ и французскомъ, въ особой книгѣ, и такимъ образомъ передалъ случай этотъ на всеобщій судъ. Книга была всѣми читана и образъ мыслей автора получилъ полное одобреніе. Г. Герценъ не могъ не испытать всей тягости всеобщаго обвиненія; но, преодолѣвая себя, возвысилъ злость свою до небывалыхъ прежде размѣровъ, и находя почти невозможнымъ самому выйти изъ подобнаго фальшиваго положенія, вѣроятно поручилъ сотруднику своему въ Берлинѣ, Блюммеру, объявить въ издаваемомъ имъ „Свободнонъ Словѣ“ (полное заглавіе обозначено выше), что письмо къ русскому послу имѣло только характеръ *юмористическаго* литературнаго труда; что усердный сотрудникъ и исполнилъ, напечатавъ слѣдующія слова: „Колкій, блестящій умъ Искандера хотѣлъ еще разъ, — можетъ быть

и лишній, подшутить надъ петербургскимъ правительствомъ: ему были крайне смѣшны *дружественныя* и *недружественныя* угрозы и наставленія, предупрежденія, сыпавшіяся на него. Онъ и написалъ остроумное (?) письмо, въ которомъ, по своей обыкновенной ловкости (?), мастерски подшутилъ надъ присылаемыми къ нему извѣщеніями. Напечатай подобную вещь г. Герценъ въ Россіи, всѣ приняли бы ее за граціозную шутку (?), какою она является и теперь, такъ какъ юморъ блещетъ отъ первой до послѣдней строки."

Прочтя эти строки право не знаешь что сказать, что заключить? Ожиданія впрочемъ останавливаются на томъ, что скажетъ самъ г. Герценъ: согласится ли, что письмо къ послу было точно *юмористическая, граціозная шутка, написанная съ его обыкновенной ловкостью;* или сознается, что оно выражало дѣйствительный случай, а г. Блюммеръ назвалъ его только шуткою, и при томъ назвалъ самъ по себѣ, по своему собственному усердію, въ защиту собрата, или г. Герценъ поручилъ ему принять такую защиту своей личности? Искандеръ человѣкъ умный, и любопытно, какой исходъ дастъ онъ этому дѣлу.

Кромѣ этихъ трехъ сочиненій, любопытна еще вновь появившаяся книга, малаго размѣра, на французскомъ языкѣ для легчайшаго ея распространенія: „La vérité sur le procès du Prince Dolgoroukoff, par un russe. Londres, 1862."

Съ первой страницы нельзя усомниться, что книга эта писана самимъ г. Долгоруковымъ. Процессъ его давно оконченъ французскими судебными мѣстами не въ его пользу; но онъ, желая во что бы ни стало оправдать себя, избралъ средство, подобно своему собрату по перу, г. Герцену, т. е. разругалъ всѣхъ тѣхъ участвовавшихъ въ рѣшеніи его процесса, которые не были въ его пользу.

Г. Герценъ и другіе дѣятели, проживающіе за границею, пріучили уже насъ къ тому, чтобы встрѣчать брань въ ихъ

писаніяхъ; но на сей разъ г. Долгоруковъ превзошелъ своимъ цинизмомъ личности не титулованныхъ авторовъ и выражается такъ, какъ никто еще не выражался.

Первая глава касается Франціи и тутъ Императоръ, министры, сенаторы, судьи, адвокаты, о комъ только вспомнилъ, всѣ безпощадно разруганы и многимъ дана особая кличка.

Вторая глава исключительно посвящена восхваленію собственной своей особы такъ, что иному конечно и за деньги не найти перо, способное воспѣть любимаго человѣка, какъ онъ себя здѣсь выставилъ, называя себя просто Prince Pierre. Потомъ перебралъ онъ русское общество, конечно, возвысилъ еще брань и кончилъ тѣмъ, что всѣ виноваты, а онъ правъ. Намъ кажется, что г. Долгорукову этимъ путемъ процессъ свой не поправить, и Бельгійское общество, ознакомившись съ этою книгою, пойметъ всю невозможность имѣть подобнаго человѣка среди своего общества.

Заграничные наши дѣятели неутомимо печатаютъ книги, журналы, воззванія, губятъ нашу неопытную молодежь, лишая ее возможности быть полезными гражданами, на которыхъ Россія могла бы расчитывать при предпринятомъ разумномъ своемъ развитіи; оставившіе свое отечество писатели мечтаютъ, что избранымъ путемъ они себя возвысятъ и сдѣлаются необходимы той родинѣ, которую покинули, и чѣмъ же? Тѣмъ, что хотятъ опрокинуть всякій порядокъ, ищутъ силу, на которую для этой цѣли надо упереться и полагаютъ найти ее въ народѣ, простирая надежды свои до того, что одинъ изъ членовъ сихъ дѣятелей, г. Блюммеръ, издатель „Свободнаго Слова“ въ Берлинѣ, даже подписывается: *народъ* и *мы*.

Какія чудовищныя и ложныя понятія о русскомъ народѣ! Воображеніе рисуетъ имъ какое-то повиновеніе народа предъ ними, тогда какъ народъ ни ихъ не знаетъ, ни рѣчи ихъ не понимаетъ и никогда не пойметъ; а знаетъ изъ рода въ родъ, и по семейному и по религіозному своему убѣжденію, что для

народа есть — Царь, Богомъ поставленный, которому онъ благоговѣетъ и послушенъ, и котораго любитъ, и теперь всего болѣе, когда Батюшка-Государь далъ ему свободу. Истину этого мы видимъ безпрерывно и видѣли вновь въ недавнемъ посѣщеніи Императоромъ Москвы: единодушное привѣтствіе народа, при встрѣчѣ и сопровожденіи своего Императора исполнено было неподдѣльнымъ чувствомъ преданности и любви народной, превосшедшимъ всё, что было при Коронаціи. Земли не видно было изъ за толпы. „Ура“ провожало Царя чрезъ всю Москву, а Москва велика; отъ Царя не отставали ни днемъ, ни ночью; передъ дворцомъ, неподвижно стоялъ народъ; цѣлые дни смотрѣлъ онъ на Красное Крыльцо, ожидая не покажется ли Царь. Еще съ бо̀льшимъ одушевленіемъ народная любовь къ своему Государю проявилась при посѣщеніи Его Величествомъ Новгорода, гдѣ въ *Рюриковомъ Городищѣ* народъ, конечно чуждый знанія исторіи своего отечества, сочувствовалъ сердцемъ радости своей родины и Отца ея — своего Государя, со слезами сопровождалъ Его всюду, одежды свои постилалъ по пути Его, становился на колѣна, молился за Царя и крестился, и, такъ сказать, душу свою изливалъ предъ взорами Императора. Очевидецъ, описывая это зрѣлище, прибавляетъ: „счастливъ долженъ быть Монархъ, который имѣетъ подобныя минуты въ своей жизни“!

Такія явленія громко говорятъ сами за себя: народъ чувствуетъ въ душѣ своей благоговѣйную, безпредѣльную, искреннюю любовь къ Государю и сознаетъ — чѣмъ онъ обязанъ своему Освободителю. При такомъ, и только при такомъ единодушіи своемъ съ народомъ, Царь можетъ сказать: *народъ и мы.* А вы, неизвѣстные народу господа, осмѣливаетесь тоже говорить: *народъ и мы!*

Гдѣ же та сила, на которую вы хотите упереться? Вы поносите Царя и неужели полагаете, что такая кровная обида, не будетъ обидою для каждаго русскаго и не ложится глубоко

въ душу цѣлаго народа, на какой бы степени развитія онъ не находился? Съ русскимъ народомъ надо обходиться осторожно; можно его наставить на всякое доброе намѣреніе, но возмущать его противъ Царя и власти опасно не для государства, а для того же, кто возмущаетъ: народъ противъ него же и ожесточится, на немъ первомъ вымѣститъ свою обиду и нарушеніе своего покоя; примѣръ искать недалеко — мы видѣли съ какимъ ожесточеніемъ народъ искалъ виновниковъ его бѣдствія, когда Петербургъ жгли со всѣхъ сторонъ! . . . .

Мы здѣсь среди своего Государства всѣ проникнуты невозможностью ни революціи ни реакціи. Могутъ быть временные безпорядки, по старанію вашему могутъ еще проявляться безсмысленныя прокламаціи и многіе изъ молодыхъ людей станутъ новыми жертвами вашими: но общаго вы ничего не сдѣлаете. . . . .

У насъ всё идетъ впередъ, но путь этотъ не вами указанъ; вашъ путь — все существующее опрокинуть съ тѣмъ, что потомъ, какъ вы говорите, *что нибудь да выйдетъ!* Г. Герценъ всю жизнь говорилъ, что не дадутъ крестьянамъ свободы, а свобода имъ дана. Ежедневно мы слышимъ о новыхъ улучшеніяхъ; такъ на дняхъ мы видѣли въ печати Положеніе Государственнаго Совѣта объ *основномъ преобразованіи судебной части въ Россіи,* которое содержитъ въ себѣ *судопроизводство, гражданское и уголовное и судоустройство.* Оно основано на самыхъ строгихъ, либеральныхъ началахъ и вѣроятно скоро получитъ Высочайшее утвержденіе. Учреждаются: мировые судьи, окружные суды, судебныя палаты и кассаціонный верховный судъ. Мировые судьи назначаются *по выбору всѣхъ сословій* въ совокупности; *присяжные* засѣдатели *избираются каждымъ сословіемъ* порознь, тѣ и другіе при строгомъ разборѣ ихъ достоинствъ. Судебныя засѣданія, и по гражданскимъ такъ и уголовнымъ дѣламъ,

будутъ происходить *публично,* въ присутствіи тяжущихся, обвиняемыхъ, свидѣтелей и постороннихъ лицъ; каждое рѣшеніе можетъ быть *напечатано* какъ судомъ, такъ и частными лицами и *обсуждаемо* сими послѣдними. Ни мировые судьи, ни члены и председатели судебныхъ мѣстъ не могутъ быть: 1) увольняемы и переводимы изъ одной должности въ другую безъ ихъ согласія; 2) удаляемы отъ должности не иначе, какъ съ преданіемъ суду. Назначается *возвышеніе* окладовъ *жалованья* по судебному вѣдомству, и по отставкѣ участь какъ ихъ, такъ и семействъ ихъ обезпечивается учреждаемой вмѣстѣ съ симъ эмеритальной *пенсіонной* кассой. Въ пользу частныхъ лицъ учреждаются *присяжные повѣренные;* по дѣламъ уголовнымъ актъ обвиненія предъявляется судомъ обвиняемому, съ предоставленіемъ ему указать — кого онъ признаетъ нужнымъ вызвать въ судъ къ повѣркѣ слѣдствія и кого избираетъ своимъ *защитникомъ;* или онъ предоставляетъ суду назначить защитника. При такомъ коренномъ преобразованіи важнѣйшей отрасли государственнаго управленія, Россія становится въ уровень съ старѣйшими по просвѣщенію государствами Европы, и неужели и послѣ того найдется еще голосъ ропота какого-либо заграничнаго писателя, хотя бы г. Герцена? . . .

Сверхъ того разбирается въ Государственномъ Совѣтѣ проэктъ *объ измѣненіи правилъ для тѣлеснаго наказанія;* какъ то: объ освобожденіи женщинъ, отмѣнѣ клеймъ, шпицрутеновъ и плетей. Развѣ все это не прогрессъ и начало свое получилъ онъ развѣ не съ высшихъ ступеней Государственнаго управленія!

Послѣднее постановленіе особенно важно при соображеніи съ духомъ народнымъ, и чтобъ объяснить это, мы можемъ указать на одно дѣло, нынѣ разсматриваемое, по которому одинъ крестьянинъ, сосланный за преступленіе, на основаніи закона, вмѣсто тюрьмы на поселеніе на извѣстный срокъ, проситъ возвратить его и взамѣнъ того подвергнуть его хотя

бы самому тяжкому тѣлесному наказанію. Съ любопытствомъ ждемъ окончанія этого дѣла.

Нельзя конечно наказывать преступника со словъ его, а не на основаніи закона, хотя послѣднее ему и не по нраву; но не возможно оставить безъ вниманія и народнаго понятія, какое онъ усвоилъ себѣ о значеніи тѣлеснаго наказанія: ежели въ ето просьбѣ видна степень малаго нравственнаго развитія, недопускающая его до сознанія стыда подобнаго наказанія, и если наказаніе сознаѐтъ онъ только въ смыслѣ внѣшней, чувственной мѣры, то сожалѣть нужно только, что такія скудныя понятія нашего простолюдина о нравственномъ своемъ состояніи — есть одно изъ послѣдствій бывшаго вѣками, бѣдственнаго крѣпостнаго состоянія, въ которомъ онъ родился, выросъ и устарѣлъ. Необходимо конечно просвѣтить его разумъ до сознанія нравственной тяготы тѣлеснаго наказанія предъ физическимъ, но потребно время для перемѣны чувствъ отдѣльнаго человѣка и народа и потребно его сравнительно болѣе, чѣмъ на перемѣну того быта, въ которомъ развился онъ въ этихъ чувствахъ. Мы видимъ, что перемѣна быта уже послѣдовала: самъ Царь однимъ изъ первыхъ дѣлъ своихъ созналъ эту необходимость и *уничтожилъ крѣпостное состояніе.* Въ этомъ одномъ перевототѣ видѣнъ не только Царь, но человѣкъ, глубоко сочувствующій человѣчеству, отецъ своего народа, къ которому казалось бы оставалось сохранить лишъ чистѣйшую признательность, а не святотатствовать хулою, пользуясь безотвѣтнымъ правомъ безцензурной печати! . . .

Стыдно бы г. Герцену стоять во главѣ такихъ дѣятелей: человѣкъ съ умомъ, образованіемъ и талантомъ, онъ могъ бы быть однимъ изъ лучшихъ нашихъ современныхъ прозаиковъ, если бъ не направилъ перо свое на безполезную для насъ и вредную для него политику! Не много нынѣ писателей, которые бы по гибкости ума, мѣткости выраженій, сжатости

мысли и всему, что составляетъ достинство прозаика, могли сравниться съ Искандеромъ; но эти литературныя качества не служатъ еще завѣріемъ въ призваніи его къ политическому преобразованію государства. Сожалѣть должно, что оставивъ настоящее свое мѣсто — писателя, онъ и себя утратилъ для литературы и насъ лишилъ хорошаго беллетриста въ то время, когда ихъ у насъ почти вовсе нѣтъ. Знаемъ, что возвратить его къ той дѣятельности, на которую такъ много дано ему даровъ отъ природы, не въ нашихъ силахъ, но да будетъ же намъ дозволено о томъ сожалѣть.

Третье сочиненіе: „Свободное Слово" принадлежитъ юнѣйшему изъ заграничныхъ же нашихъ дѣятелей и преобразователей Леониду Блюммеру, или *фонъ*-Блюммеру, какъ *нынѣ* онъ украсилъ свою фамилію. Странно, что г. Блюммеръ, человѣкъ соціальныхъ и демократическихъ началъ, увѣряя себя и всѣхъ, что всѣ равны, что чины и титулы есть излишество, что въ человѣкѣ нуженъ человѣкъ, озабочивается въ тоже время своимъ родовымъ *фонъ;* видно отъ внѣшнихъ преимуществъ міра сего легче совѣтовать отказаться, нежели отказаться! Лучше было бы, еслибъ г. Блюммеръ не прибавлялъ къ своей фамиліи этого *фонъ,* на которое ни въ Россіи онъ не имѣлъ права, ни въ Германіи его не пріобрѣлъ.

ГЛАВА VII.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Глава VII.

Долгое время мы не столько были убѣждены, сколько безсознательно привыкли вѣрить, что какъ бы въ лондонской русской печати насъ ни бранили, чтобы ни писали, какую бы клевету или ложь на насъ ни возводили, но мы должны молчать, потому что то изданія безценсурныя, недоступныя, хотя мы ихъ и читали. Нынѣ наконецъ и эти оковы съ нашего слова сняты: начавшаяся подъ благовидною маскою свободы тисненія русская заграничная литература, пользуясь безотвѣтностью тѣхъ, о комъ она пишетъ, зашла уже далеко, не только за черту литературнаго приличія, но и того общечеловѣческаго качества, которое называетея честію и занялась не писаніемъ уже, но неслыханнымъ въ печати поруганіемъ. Сначала направленіе этой литературы, какъ все запрещенное, многимъ нравилось и иныхъ увлекало; ложь принимали за истину, брань за острословіе, и все это потому, что небыло орудія, изобличавшаго смыслъ этихъ изданій.

Мы сами знаемъ, что многое и многіе у насъ заслуживаютъ осужденія: такъ вездѣ и всегда было, есть и будетъ, и что избрать изобличающимъ или карающимъ орудіемъ литературу не дурно; но если въ этой литературѣ станутъ разбирать сочиненія, которыхъ критикующій не читалъ; если, основываясь на словахъ корреспондента, начинаютъ посмѣяніе и поруганіе надъ такимъ лицомъ и надъ такимъ дѣйствіемъ, которые редакціи вовсе неизвѣстны; если, наконецъ, явно обнаружится недобросовѣстность, злоба или ошибка корреспондента и оно редакціей не исправляется, то такія изданія выходятъ вонъ изъ ряда всякаго рода книжныхъ изданій и требуютъ, чтобъ направленіе ихъ было, чрезъ литературу же, обнаружено въ глазахъ замаскированной ими публики. Теперь, съ дозволеніемъ въ Россіи печатать противъ русскихъ заграничныхъ издателей, сила этихъ господъ конечно ослабѣетъ и нельзя не быть благодарнымъ этому праву, ибо безъ него заграничная печать клеймила все безъ осужденія, безъ права защиты; она была какъ бы возвратившееся изъ древности нашей *слово* и *дѣло*.

Ежели бы давно Правительство наше дало намъ право защиты, то и въ глазахъ нашихъ и предъ судомъ Европы заграничныя изданія получили бы настоящую свою оцѣнку, да и самъ г. Герценъ убѣдился бы, что въ его изданіяхъ возможно лишь передавать извѣстія правдивыя, а не всё, что ему сообщаютъ, не отказывался бы печатать возраженія и можетъ быть, сдѣлалъ бы ихъ дѣйствительно полезнымъ органомъ справедливаго и свободнаго слова о Россіи. Конечно статьи его подчинились бы критикѣ и обыкновенной участи литературнаго труда, соревнованію съ другими писателями, иногда осужденію, но иногда и похвалѣ, и тогда его дѣйствія были бы прямы и чисты въ его собственныхъ глазахъ.

Безъ этой гласной оцѣнки его трудовъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ бываетъ то, что самъ издатель, незамѣчая того,

дѣлается одностороннимъ, и такъ сказать, самоуправнымъ въ дѣлѣ публичнаго слова. Такъ было съ г. Герценомъ: не допуская возраженій, привыкши и къ безотвѣтному своему сужденію, онъ едва-ли можетъ и остановиться на этомъ; направленіе это усиливается въ его изданіяхъ съ каждымъ новымъ выходомъ ихъ, и сотрудники его дѣлаютъ тоже.

Въ смыслѣ проявленія народной свободы, онъ дошелъ до того, что проповѣдуетъ достиженіе ея чрезъ топоры, остается въ томъ увѣреннымъ, какъ человѣкъ, подавленный собственнымъ убѣжденіемъ, не допускающій ни въ комъ убѣжденія инаго и считающій всякаго несогласнаго въ его взглядомъ, подкупленнымъ русскимъ Правительствомъ. Вотъ-бы такимъ людямъ добраться до диктаторства! Была бы бѣда многимъ, потому что многіе не раздѣляли бы его мнѣній; тогда-то кому либо пришлось бы пожалуй прибѣгнутъ къ мѣрамъ тиранства, ибо такому правителю нужны только безпрепятствующіе дѣятели, а прочихъ надобно уничтожить, и пришлось бы уничтожать начиная отъ противуборствующихъ и до тѣхъ, которые молчатъ, ибо, по мнѣнію деспота „кто и молчитъ, наноситъ ему вредъ“.

Не излишне будетъ всмотрѣться еще разъ на тотъ вредъ, который былъ послѣдствіемъ безапелляціонныхъ сужденій, чрезъ слово съ каѳедры г. Герцена. Сколько юныхъ силъ не получили своего развитія, сколько начавшихъ дѣятелей уничтожено, сколько семействъ въ слезахъ и страданіяхъ должны были разстаться съ близкими ихъ сердцу жертвами Герценова направленія, разсѣянными по всей широтѣ нашей земли. Молодой человѣкъ при самомъ благородномъ настроеніи легко можетъ вдаться въ соблазнъ, когда его представляютъ ему въ увлекательныхъ формахъ. Неопытность и самонадѣянность легче всего подчиняются лести, и прочитавъ въ словахъ умнаго литератора, какимъ привыкли считать Искандера, что они родину свою лучше другихъ знаютъ и что ежели бы они стояли у кормы правленія, все бы лучше устроили, молодые люди

невольно дѣлаются жертвою этой приманки. Такія мечты всегда были и будутъ; но они должны быть удерживаемы разумнымъ словомъ, успокоиваемы людьми болѣе ихъ опытными, и тѣмъ избавлены отъ многихъ бѣдъ. Пройдутъ юные, пылкіе года, они же своимъ истиннымъ и безкорыстнымъ друзьямъ скажутъ спасибо и дѣйствуютъ тогда полезно на благо общее и конечно не поблагодарятъ того, кто увлекъ ихъ ко вреду. Эти пылкіе молодые люди въ послѣдствіи и составляютъ ту энергическую силу государства, отъ которой наше отечество ожидаетъ и въ правѣ ожидать всего лучшаго. Г. же Герценъ, расчитывая на года неопытности и періодъ увлеченія какъ Мефистофель, съ своимъ жгучимъ словомъ, опрокидываетъ все, увѣряя что это единственное средство къ лучшему; размножаетъ ослѣпленіе къ своему уму и тайно ведетъ къ своимъ все разрушающимъ цѣлямъ, не принимая потомъ никакой отвѣтственности на свою совѣсть: погибнутъ, это не его дѣло, и чтобъ, знать зколько уже погибло, для того надо быть въ Россіи: въ Англіи же это неизвѣстно.

Тревожное состояніе г. Герцена замѣтно вновь въ 143[мъ] № „Колокола“: страшные поджоги, заимствовавшіе свою искру въ его поученіяхъ, довели многихъ до нищенства; да кромѣ того дознано до свѣдѣнія правительства, что тѣже люди намѣревались повторить тоже зло на предстоявшей Нижегородской ярмаркѣ, гдѣ бы уже не $^{20}/_{\text{мил.}}$ погибло, но болѣе 200; мѣрами благоразумія бѣдствіе предотвращено: поспѣшили назначить туда одного изъ самыхъ энергическихъ людей, временнымъ главнымъ начальникомъ, Генерала отъ кавалеріи фонъ-деръ-Лауница, который извѣстенъ рыцарскимъ характеромъ, который идетъ безъ страха на каждаго, кто замышляетъ бѣдствіе или намѣренъ грабить казну, частную и казенную: неразъ мы видѣли, какъ онъ каралъ подобныя дѣла; но что эти дѣйствія его не по сердцу людямъ виновнымъ и поощряющимъ виновныхъ, то это болѣе чѣмъ естественно, и такіе-

то господа передаютъ г. Герцену свои жалобы на Лауница и Герценъ его казнитъ по данной имъ самому себѣ власти. Новое это назначеніе сообщено вѣроятно уже Герцену; мы видимъ изъ полученнаго Колокола № 143, въ которомъ онъ этого достойнаго сановника старается подвергнуть порицанію.

Однакожъ по странной случайности, въ тоже время наши газеты наполнены адресами, поднесенными г. Лауницу отъ всего Нижегородскаго купечества, самыхъ почетныхъ и богатѣйшихъ лицъ въ Россіи, за подписью предсѣдателя ярмарочной биржевой коммиссіи 1й гильдіи купца Губина, старшинъ и 45 почетныхъ купцовъ; потомъ мы читаемъ адресы калмыковъ и башкировъ: всѣ единодушно выражаютъ свою признательность Генералу Лауницу за такой порядокъ и спокойствіе въ городѣ, какихъ прежде не бывало.

Все это конечно уже не ложь и не подкупъ чрезъ IIIе Отдѣленіе — любимый предметъ для упрека со стороны г. Герцена. Кто видѣлъ и знаетъ при какихъ условіяхъ проходитъ время въ Нижнемъ, въ періодъ ярмарки, тотъ не можетъ не припомнить весь хаосъ, обратившійся тамъ въ привычку и даже развратъ, существовавшій тамъ постоянно, какъ нѣчто обыкновенное, который по всюду выказывался тамъ открыто съ помощію обильныхъ средствъ и разгульной жизни не малой части нашего купечества, собирающагося сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Такой образъ жизни всегда служилъ помѣхою въ торговлѣ и къ сожалѣнію до сихъ поръ не было довольно силъ и средствъ, чтобъ водворить тамъ хотя бы приблизительно такой порядокъ, который ввелъ Лауницъ своею твердою волею и удержалъ его своею рукою. Случись пожаръ на Нижегородской ярмаркѣ, это было бы бѣдствіе, какого и вообразить трудно; могло бы погибнуть всё, и несчастію небыло бы границъ; тогда не осталось бы человѣка, который бы не сдѣлалъ упрека Правительству, что небыли приняты мѣры предосторожности къ отвращенію бѣдствія, а г. Герценъ во-

дворившись у своего лондонскаго окна, вторично спросилъ бы: „кто это люди и что ихъ къ тому побуждаетъ“?

Когда же все обошлось благополучно, г. Герценъ кричитъ въ негодованіи, что принятыя мѣры были излишни и что Правительство съ намѣреніемъ затѣваетъ подобныя дѣла, чтобы послѣ имѣть поводъ притѣснять невинныхъ.

Г. Герценъ или дѣйствительно не знаетъ вовсе Россіи или даетъ только видъ, что не знаетъ ее, когда всякая перемѣна къ лучшему ему не по нраву и всякое новое распоряженіе Правительства возбуждаетъ его только къ осужденію и брани; а когда все остается по прежнему, ему кажется, что никто не знаетъ, что надо предпринять, но знаетъ это онъ одинъ и сдѣлаетъ все одинъ лучше другихъ, и еслибъ ему не мѣшало III^е Отдѣленіе, то онъ давно бы всю Россію устроилъ по своему и водворилъ бы у насъ золотой вѣкъ.

Съ ужасомъ и глубокою скорбію узнаемъ мы, что соблазнительное его слово увлекло многихъ молодыхъ людей до того, что они стали уходить, подобно своему учителю, изъ своего отечества къ нему на поклоненіе.

Когда несчастныя обстоятельства или личные проступки ввергаютъ людей въ преступленія и малодушный изъ нихъ, въ виду тягчайшаго наказанія, покидаетъ свою родину для внѣшняго своего спасенія, то жаль такихъ и да поможетъ имъ Всевышній перенести тяготу ихъ нравственнаго состоянія; но еще болѣе жалокъ тотъ, кто уходитъ, по такъ называемому убѣжденію, безъ иныхъ причинъ, кромѣ умственнаго заблужденія, вслѣдствіе лжеученій западныхъ писателей: такіе по истинѣ уже не знаютъ что творятъ!

Нужно бы казалось только обратить вниманіе на разныя условія нашей Россіи сравнительно съ остальною Европою, чтобъ видѣть, что изъ Европы идутъ къ намъ: путешественники, какъ рѣдкое исключеніе и большинство переходитъ съ единою цѣлію добывать выгоды; каждый изъ нихъ конечно несетъ съ

собою въ запасъ какое либо знаніе науки, искуства, или ремесла; учитель, гуверперъ, парикмахеръ, столяръ, обойщикъ, даже италіянецъ идетъ съ шарманкою, а венгерецъ съ мышеловкою; у насъ промыслу ихъ не препятствуютъ и многіе изъ нихъ, промышляя своимъ дѣломъ, мало по малу, умножаютъ средства свои, обезпечиваютъ себя, наживаютъ состояніе, покупаютъ домы на Невскомъ проспектѣ; живутъ процентами съ нажитаго капитала и возвращаются на свою родину съ деньгами; не многіе, чьи дѣла пошли худо, уходятъ съ пустыми руками, или за неимѣніемъ средствъ находятъ помощь въ существующихъ благотворительныхъ обществахъ, основанныхъ у насъ богатыми иностранцами, куда и русскіе не мало вносятъ своей лепты.

Не то бываетъ съ русскими уѣзжающими за границу; мы, русскіе, туда ѣдемъ чаще всего лечиться, потомъ путешествовать и пожить повеселѣе и притомъ не иначе уѣзжаемъ, какъ съ деньгами въ карманѣ. Насъ за границею принимаютъ съ распростертыми руками, только какъ выгодный доходъ и не должны мы себя обманывать, думая, что въ какомъ либо государствѣ насъ полюбили бы безъ денегъ. Ежели кто изъ насъ проиграется или промотается за границею, то натурально надъ нимъ же смѣются; по этому-то нельзя не сожалѣть о тѣхъ неопытныхъ людяхъ, которые безъ средствъ оставляютъ свое отечество въ надеждѣ найти на чужбинѣ безкорыстный и радушный пріемъ подобно тому, какой находятъ у насъ иностранцы. Оставляя отечество, должно расчитывать не на одинъ мѣсяцъ или годъ, но имѣть въ виду цѣлую предстоящую жизнь: кому изъ насъ не случалось видѣть за границею несчастныхъ русскихъ, которые въ Лондонѣ, Парижѣ высматриваютъ нашихъ путешественниковъ, по праздникамъ, при выходѣ ихъ изъ церкви и просятъ о помощи. Нищенство же заграницею гораздо бо̀льшее бѣдствіе, нежели у насъ и тамъ

полиція къ нимъ не такъ снисходительна, какъ это бываетъ въ Россіи.

Наконецъ послѣдній отдѣлъ оставляющихъ наше отечество. составляютъ тѣ, которыхъ единственная надежда возлагается на Герцена; они думаютъ, что стоитъ лишь до него добраться, чтобъ найти тамъ все хорошее; но что же можетъ сдѣлать г. Герценъ? Пожалуй одинъ разъ поможетъ, но содержать ихъ въ долготу дней и лѣтъ конечно не будетъ.

Ежели бы русскіе несли ла границу капиталъ, подобный приходящимъ къ намъ иностранцамъ, заключающійся въ знаніи наукъ, искуствъ и ремесла, тогда было бы дѣло иное; но у кого есть этотъ запасъ, тому не для чего удалятъся изъ Россіи; такого и у насъ вездѣ на рукахъ станутъ носить. Теперь въ Берлинѣ завели кассу для нуждающихся русскихъ, но дѣло идетъ плохо и самъ г. Герценъ заявляетъ о томъ въ No. 141 Колокола, и сомнительно, чтобъ г. Блюммеръ, называя себя директоромъ этой кассы, могъ пріобрѣсть довольно довѣрія для собранія денегъ; даже слышно, что дѣло его столь худо пошло, что и самъ онъ уже оставилъ Берлинъ и перешелъ въ Брюссель, гдѣ и присоединился къ г. Долгорукову: здѣсь-то, для бо̀льшаго почета онъ прибавилъ къ своей фамиліи *фонъ* и въ тоже время сказалъ: „нѣмцы, какъ извѣстно, большіе охотники до лакейскихъ формъ!“ Намъ понятно, что можно питать всякаго рода злость къ отдѣльному человѣку, хотя свойственнѣе было бы оказывать снисхожденіе даже къ личнымъ слабостямъ, которыя имѣетъ каждый; но разбранить цѣлую націи и странно и неблаговидно! Неизвѣстно, опытность ли житейская, или частныя свои несчастія, либо другая причина побудила г. *фонъ* Блюммера напечатать статью: — *„необходимъ ли бракъ?“* Статья будетъ имѣть продолженіе, а потому о ней пока рѣчь впереди.

Между тѣмъ слышно, что нѣкоторые изъ заблудшихъ, испытавъ много горя и неудачъ за границею, чистосердечно

раскаялись предъ нашимъ Правительствомъ и просили дозволить имъ возвратиться на родину, и въ томъ числѣ князь Юрій Голицынъ. Сознаніе своей вины достойно уваженія въ каждомъ, хотя бы онъ даже былъ именно виновенъ предъ Правительствомъ, и дай Богъ, чтобы благое намѣреніе Князя Юрія Голицына послужило примѣромъ другимъ увлекшимся господамъ!

Теперь лишь только дано русскому слову право самозащищенія, мы уже видимъ много статей, наполняющихъ наши газеты, съ такимъ направленіемъ противъ г. Герцена и его товарищей, что имъ это конечно не понравится, и наши статьи особенно примѣчательны тѣмъ, что чужды всякаго рода брани и поношеній и составляютъ чисто литературный разборъ дѣйствій и сочиненій нашихъ заграничныхъ дѣятелей. — Нельзя не обратить особаго вниманія на четвертую статью, уже появившуюся въ журналѣ: „Наше время": *Г. г. Герценъ и Огаревъ,* которая пріобрѣла огромную популярность въ обществѣ. Неизвѣстный авторъ разбираетъ дѣйствія и сочиненія г. Герцена столь вѣрно и безъ всякой личности, что нельзя не порадоватсься этому и не противупоставить ее сочиненіямъ г. Герцена; онъ ясно доказываетъ, что ни истины, ни стремленія къ истинѣ не существуютъ въ цѣломъ быту г. Герцена и справедливо себя спросилъ: чего же г. Герценъ хочетъ? Неужели только произвести эффектъ надъ неопытностью? На это робко отвѣчаютъ его поклонники: его цѣль *только* существующее опрокинуть; этотъ подвигъ онъ поручаетъ исполнить и сыну своему; но что послѣ выдетъ, объ этомъ онъ и не думаетъ, и чтобъ изъ Россіи возможно было создать демократическую республику, тому и самъ онъ не вѣритъ. Его жизнь была, впрочемъ безъ всякой причины, столь тревожная, что правильнаго, мирнаго теченія оной ему неизвѣстно и цѣны такой жизни не знаетъ онъ, — олицетворенная тревога отъ рожденія до гроба. Онъ сердитъ на все и на всѣхъ и недоволенъ всѣмъ и всѣми отъ самаго

величественнаго въ природѣ до собственной своей особы: онъ дерзаетъ святотатствовать *надъ религіею* и ея установленіями, онъ недоволенъ ею и потому сомнительно доволенъ ли Творцемъ ея? Онъ идетъ противъ священной въ Государствѣ власти — Царя; онъ повергаетъ осужденію и брани особъ, стоящихъ во главѣ *Правительства,* высоко поставленныхъ въ обществѣ; онъ не оставляетъ язвить цѣлыя *сословія* и отдѣльныя мелкія личности людей, которыя можетъ быть и понятія не имѣютъ о томъ, что кому-то въ Лондонѣ пришла охота подсмѣиваться надъ ними; наконецъ онъ не забываетъ и совсѣмъ неграмотный классъ нашихъ *простолюдиновъ,* предрѣкая, что они только съ топоромъ возьмутъ себѣ свободу!.... Слѣдуетъ прослѣдить его изданія „Колоколъ" и „Подъ судъ," чтобъ найти подтвержденіе всего здѣсь сказаннаго. Г. Герценъ недоволенъ всѣми: Богомъ, религіей, Царемъ, Правительствомъ, обществомъ—высшимъ, среднимъ и низшимъ, недоволенъ человѣчествомъ и самимъ собою. Семейныя его дѣла, при малѣйшемъ нарушеніи обыкновеннаго уровня, возбуждаютъ тревожное состояніе его духа, выводятъ его изъ терпѣнія. Дочь его заграницею приняла святое крещеніе: онъ внѣ себя, острить перо свое противъ всякаго установленія и извлекаетъ изъ этого поводъ къ посмѣянію надъ религіознымъ направленіемъ нашей Императрицы; сынъ его женится: онъ недоволенъ и сердитъ, пишетъ, что въ Россіи все дурно; помощники его стараются ему содѣйствовать и Блюммеръ выступаетъ въ свѣтъ съ статьею — *„необходимъ ли бракъ?"* Словомъ разстройство въ словѣ, и говорятъ даже, разстройство въ карманѣ, вслѣдствіе паденія фондовъ въ Америкѣ, что̀ можетъ быть для него чувствительнѣе всего прочаго. Во имя независимости, ища себѣ полной свободы, г. Герценъ покинулъ пріютъ въ своемъ отечествѣ; но если цѣною всеобщаго отчужденія, ожесточеніемъ себя противъ всѣхъ и всѣхъ противъ себя пріобрѣтается независимость, то надо

сознаться незавидна доля такой независимости, и кн. Голицынъ, вдвойнѣ правъ, очнувшись во время отъ чужеземной свободы и предавшись вновь своему отечеству! . . .

Еслибъ Англичане, народъ, среди котораго живетъ г. Герценъ, ознакомились съ направленіемъ литературной его дѣятельности и всею его обстановкою, то конечно нашли бы въ немъ совершенно новую и не понятную для нихъ личность; потому что, зная цѣну разумной свободы, ни одинъ англичанинъ не дозволитъ себѣ однакожъ ни малѣйшей укоризны своей королевѣ, ограничиваясь, если онъ политическій писатель, разборомъ какъ хорошихъ, такъ и ошибочныхъ дѣйствій своего Правительства и лицъ его составляющихъ, но разборомъ спокойнымъ, разумнымъ, неоскорбительнымъ ни для одной личности, критикой дѣла, а не лица. Хотя бы потому, что г. Герценъ живетъ среди такого народа, ему позаимствоваться отъ нихъ способомъ изложенія своихъ политическихъ статей, если ужъ онъ во что-бы-то ни стало хочетъ остаться политическимъ писателемъ! . . . .

